

*Ана
Рудковская*

ИСПОВЕДЬ
„СОДЕРЖАНКИ”

или
ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

Яна Александровна Рудковская Исповедь «содержанки», или Так закалялась сталь

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=269522

Исповедь «содержанки», или Так закалялась сталь: АСТ, Астрель;

Москва; 2009

ISBN 978-5-17-059747-5, 978-5-271-24076-8

Аннотация

Откровенно, эмоционально, правдиво Яна Рудковская рассказывает о российском шоу-бизнесе, о невероятных событиях, которые происходили с ней, ее друзьями и недругами на протяжении последних трех лет. Шоу-бизнес – это настоящее «Зазеркалье», где много происходит вопреки здравому смыслу, а иногда наоборот.

Кроме того, в своей книге Яна Рудковская впервые сама расскажет о фактах, которые давно обросли самыми нелепыми слухами и домыслами.

Содержание

	4
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
«ЗНАКОМЬТЕСЬ, ЭТО ДИМА»	8
МУЗ-ТВ-2005 – И НА СОЛНЦЕ ЕСТЬ ПЯТНА	29
«ПЯТЬ ЗВЕЗД», ИЛИ ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО	39
С ШОУ-БИЗНЕСОМ	
ЮРИЙ ШМИЛЬЕВИЧ И ЕГО БОЛЕЗНЬ	52
МАША МАЛИНОВСКАЯ	59
СМЕРТЬ АЙЗЕНШПИСА	67
БИЛАН И МЕДИА-ВОЙНА	79
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Яна Александровна Рудковская Исповедь «содержанки», или Так закалялась сталь

Дорогие друзья!

Протоптав тропинку в российском шоу-бизнесе, не могу не поделиться теми событиями, которые происходили со мной и моими героями на протяжении почти трех лет и теми впечатлениями, которые они оставили.

У вас в руках пособие, написанное в увлекательной сказочной форме – абсолютно правдивое и от того еще более загадочное. Прочитав эту повесть, многие из вас поймут, почему до сих пор не существует учебников по такому таинственному и увлекательному предмету, как шоу-бизнес. А российский шоу-бизнес – это настоящее «Зазеркалье», где многое происходит вопреки здравому смыслу и наоборот. Ох, чего же только не происходило со мной здесь, как только жизнь не кидала меня из стороны в сторону. Я рада, что могу вполне нормально в ней существовать, хотя и чувствую себя каждый

день, как на вулкане.

Кроме того, вам представится возможность из первых уст узнать те факты, которые давно обросли самыми нелепыми слухами и домыслами. Вы узнаете о любовных тайнах, закулисных интригах, а также о том, могут ли деньги спонсоров сделать из артиста звезду. Надеюсь, что эта книга не раз заставит вас и погрузиться, и посмеяться, и даже возмутиться. Персонажи данного повествования на сто процентов настоящие.

И... не забудьте помыть руки после прочтения последней главы, ибо шоу-бизнес, как известно, чистым не бывает.

С любовью, ваша Яна Рудковская

ПРЕДИСЛОВИЕ

Началом нашей истории смело можно назвать 31 декабря 2004 года. В этот дивный предновогодний день я и мой супруг Виктор Николаевич катались на горных лыжах в одном из подмосковных поселков, наслаждаясь чудными зимними пейзажами.

– Уже шесть часов вечера, Виктор Николаевич! – взмолилась я. – Мы же опоздаем!

– Не опоздаем! – коротко ответил Виктор Николаевич и продолжил катание.

Вы, наверное, удивились, дорогие друзья, что я называю своего супруга по имени и отчеству. Пусть немного необычно, но ничего странного тут нет. Есть люди, которых невозможно называть иначе, чем полным именем. К ним как-то не клеятся уменьшительные Петенька, Васенька или Коленька. А вот Петр Иванович или Василий Евгеньевич в самый раз.

То же было и с Виктором Николаевичем. Я называла своего солидного супруга преимущественно по имени и отчеству. Иногда он бывал Витенькой или просто Витей, однако эти исключения лишь подтверждали правило. К слову, примерно в 0,01 процентов семей супруги обращаются друг к другу на вы. Но я, точно так же, как и вы, уважаемые читатели, не считаю это нормой...

Итак, зимний снег искрился морозными блестками. Мы

предвкушали Новый год, который планировали встретить в славном городе Сочи. Глядя на заснеженные подмосковные елочки и живо представляя себе украшенную разноцветными гирляндами новогоднюю красавицу-ель, я ужасно волновалась, что бой курантов мы услышим не в праздничном зале, а в самолете, пролетая где-нибудь над Воронежем...

«ЗНАКОМЬТЕСЬ, ЭТО ДИМА»

*Ты приобретешь больше друзей за два месяца, интересуясь другими людьми, чем приобрел бы их за два года, стараясь заинтересовать собой других.
Дейл Карнеги*

Конец 2004 года я считаю одним из самых удачных периодов в моем разраставшемся бизнесе. По итогам работы сети бутиков «La Scala» итальянский журнал Fashion назвал меня первой и единственной бизнесвумен, работающей в сфере моды на юге России. Кроме того, в этом же году я, наконец-то, открыла салон «Franck Provost» в Москве, в Петровском пассаже.

В довершение к столь чудесным успехам 2 января я собиралась отметить замечательную юбилейную дату – тридцатилетие, которую мой супруг, Виктор Николаевич, решил с особенным размахом отпраздновать в «Рэдиссон-Парк-отель», расположенном в самом сердце моего любимого Сочи.

Незадолго до Нового года Виктор Николаевич начал спрашивать у меня:

– Что бы ты хотела получить в подарок? А хочешь выступление артистов?

От восторга я чуть не запрыгала. Конечно, я хотела! В самых радужных мечтах я уже представляла, сколько знаменитостей смогу собрать на своем празднике (а бюджет это-

го мероприятия был немаленький), но, едва открыв новогодний прайс-лист, я почувствовала себя ни много, ни мало настоящей нищенкой. Все те, кого мне безумно хотелось видеть, брали за свое выступление астрономические, на мой взгляд, гонорары – с ними мог сравниться только мой самый любимый «артист номер один всех времен и народов» Энрике Иглесиас, пригласить которого за пятьсот тысяч долларов я точно не могла.

Кроме всего прочего, я узнала, что, оказывается, 2 января все артисты отдыхают. И как меня угораздило родиться в такое неудобное время?! Плюс ко всему, поскольку день рождения был не только у меня, но и у моей мамы (мы родились в один день), полагалась наценка – еще пятьдесят процентов к гонорару. В довершение магическое действие производила фамилия моего супруга (такая же фамилия у супруги московского мэра), после чего алчность концертных директоров была все мыслимые и немыслимые рекорды.

Скажу откровенно, в те времена я была так же далека от шоу-бизнеса, как Париж от Владивостока. Имен артистов я не знала, кроме некоторых, особенно любимых. И мои музыкальные познания в области популярной музыки сводились примерно к следующему:

в десять лет я балдела от Modern Talking и с восторгом слушала кавер-версии Сергея Минаева «Братец Луи» и «Шерри, шерри леди»;

в двадцать я слушала Кузьмина и считала, что никого луч-

ше него на белом свете просто нет;

ближе к тридцати я запала на «Smash!», но, не изменяя себе, даже не знала этих артистов по именам, называя энергичных ребят «беленький и черненький» – вот, до какой степени шоу-бизнес был мне незнаком.

Тем не менее, еще утром 24 декабря я была абсолютно точно уверена в трех кандидатурах: «Smash!», Володя Кузьмин, Сергей Минаев (в качестве ведущего).

Помогать в организации этого мероприятия вызвалась девушка Лена, по совместительству бывшая жена одного из артистов дуэта «Чай вдвоем». Именно Лена сообщила мне утром 24 декабря о том, что моим планам относительно «Smash!» не суждено сбыться, так как дуэт распался.

– Сожалею, Яна, что ничем не смогла помочь, – деликатно завершила изложение новости Лена. – Мне хотелось бы как можно скорее вернуть тебе задаток...

– Но почему? – растерянно спросила я у нее, ничегошеньки не понимая.

– Потому что они там что-то не поделили, – вздохнула Лена. – Из-за чего-то разругались, в чем-то друг друга недопоняли. Так часто бывает в шоу-бизнесе. Но, если хочешь, может приехать один беленький Влад...

– Как так один? – недоумевала я. – Они же вдвоем поют...

– Раньше вдвоем, теперь один споет, – безразлично ответила Лена.

– Нет, это неправильно, он же не может за черненького тоже петь. – Я углубилась в раздумья.

– А ты смотри на одного и представляй, что их двое. Заодно и деньги сэкономишь, – предложила Лена.

– Так, Лена, – наконец приняла решение я. – Деньги назад не возьму. Где я сейчас кого найду, если все артисты расписаны? Давай, быстро решай, кого еще можно позвать...

Через полчаса Лена снова перезвонила:

– Слушай, «Чай вдвоем» тоже не смогут, они улетают 31 декабря в Арабские Эмираты отдыхать и ни за какое золото мира не согласны прервать свой заслуженный отдых.

– Лена, думай! – Я не хотела сдаваться.

Вам могут показаться странными эти разговоры об артистах (ну мало ли кто когда не может приехать, подумаешь!), однако этому есть объяснение. Дело в том, что в нашей семье не было принято дарить подарки. И если этот неожиданный и очень щедрый дар я не получу сейчас, то больше не получу никогда. Именно поэтому я так сильно волновалась, дорогие друзья. Я чувствовала себя сказочной принцессой, карета которой вот-вот превратится в тыкву.

Лена переговорила еще с тремя артистами из тех, кого я хотела бы пригласить и окончательно пала духом:

– Яна, извини, лимит исчерпан. Забирай свои деньги...

– Лен, мы должны найти им замену. Должны, понимаешь? Мне хочется, чтобы праздник удался, а на празднике выступили молодые и энергичные.

– Я-то понимаю, – вяло заметила Лена. – Но какое сегодня число, помнишь? Цены астрономические.

– Придется немного выйти за установленный бюджет, – развела я руками и тут же принялась названивать мужу с вопросом, можем ли мы позволить себе увеличить сумму гонорара.

– Договаривайся, я занят, – кратко ответил Виктор Николаевич.

Я повесила трубку и снова принялась теревить Лену.

– Лен, ну что?

– Даже не знаю, – задумчиво произнесла Лена. – А как насчет «Ночного хулигана»?

– Какого «Ночного хулигана»? – удивилась я.

– Ой, ну ты совсем от жизни отстала. Дима Билан! – воскликнула Лена. – «Мулатка», «На берегу неба». Вспоминаешь?

– Да, да, помню! – обрадовалась я. – «На берегу неба» помню, остальное смутно. И мальчик, помню, такой темненький, харизматичный. Ну, договаривайся. А он модный? Так что ж ты раньше молчала?!

– Молчала, потому что знаю: он не работает в этот Новый год. Он со своим продюсером Айзеншписом, вроде, улетает за границу. Сейчас спрошу...

В конце дня Лена огласила «приговор»:

– В общем, так. Шмилич со своим подопечным готов приехать и 2 и 1 января и даже 31 декабря. Но это удовольствие

обойдется тебе в сто тысяч долларов. А вообще у тебя буквально день-другой на раздумья, так как у них уже билеты в Швейцарию куплены на 1 января...

– М-да, – озадачилась я. – Сейчас мужу перезвоню, подожди.

– Витя, – начала я с ходу. – А можно я Диму Билана приглашу?

– Кто такой? – угрюмо буркнул супруг.

– Ну, он поет «На берегу неба», «Мулатка»...

– Ясно. Нет, не слышал. А сколько стоит?

– Сто тысяч... – Я кусала губы, сжимая кулачки и мысленно повторяя: «Да. Скажи—да».

– Деньги, конечно, немалые, – задумался Виктор Николаевич. – Могла бы себе колечко приличное купить. Но, в принципе, мне все равно, решай сама.

Я положила трубку и потерла руки. Снова набрала номер Лены.

– Лена! Соглашайся. Приглашаем Диму Билана!

Лена что-то пробурчала в трубку типа «хозяин – барин», но уже практически на следующий день я получила и согласие Юрия Айзеншписа и время нашего рейса в Сочи от Виктора Николаевича.

А 31 декабря, прямо перед самым вылетом, мы с Виктором Николаевичем отправились в Подмоскowie покататься на горных лыжах.

К слову, меня всегда удивляла в собственном муже его абсолютная невозмутимость. Обнаружив, что часы показывают уже шесть вечера, а мы все еще под Москвой и все еще на лыжах, я потеряла всяческое терпение. А вот Виктор Николаевич, периодически поглядывая на часы, не отступил ни на шаг от задуманной программы, докатавшись до конца.

В итоге, в девять вечера мы буквально вбежали в салон самолета, где во втором отсеке нас ожидали Юрий Шмилевич Айзеншпис, Дима и его танцоры.

Я улыбнулась, поздоровалась, сказав, что зайду к ним попозже познакомиться. Мы взлетели.

Никогда не забуду, как в тот момент Дима, который сидел в наушниках, смотрел на мою меховую шапку «DSquared». Этот странный взгляд я поняла лишь позже...

Мы уже летели, когда я вновь подошла к ним и извинилась:

– Юрий... – запнувшись, сказала я, понимая, что напрочь забыла его отчество без всяких шансов вспомнить.

– Да ничего, – ответил Айзеншпис. – А к Новому году-то успеем?

– Конечно! – подтвердила я не совсем уверенно.

– Вы что, на лыжах катались? – поинтересовался он. Услышав мой утвердительный ответ, засмеялся. – Оригинально! А ты с Димой знакома?

– Нет, – ответила я. – В смысле, лично не знакома.

– Дима, – тут же представился Дима Билан, снимая науш-

ники.

– Яна! – улыбнулась я, еще не зная, сколько мне придется пережить с этим молодым артистом.

Самолет приземлился около одиннадцати часов, и мы как оглашенные помчались в гостиницу «Рэдиссон-Парк-отель», которая в то время принадлежала Виктору Николаевичу. На сборы отводилось пятнадцать минут, в зал же мы ворвались буквально без пяти двенадцать.

Димино выступление было запланировано сразу же после поздравления Президента, и он помчался напрямик к сцене. Юрий Шмильевич, тем временем, подсел за наш столик, поближе к Виктору Николаевичу – ему не терпелось познакомиться с человеком, который все это оплатил.

Пока они разговаривали, я смотрела за действием, происходившем на сцене – Дима начал свое выступление. Он исполнил несколько незамысловатых хитов, среди которых была та самая «Мулатка» – быстрый шлягер, который я сразу же выделила среди прочих. Кроме того, мне была интересна реакция моих гостей.

Слава богу, все прошло прекрасно – гости «зажигали» под Димины песни. Всего собралось человек пятьдесят, среди которых было много сотрудников моей сети салонов красоты и «La Scala Group».

Одна из моих подруг во время танца будто невзначай заметила:

– А тебе не кажется, что этот Билан как-то простовато

одет?

Честно говоря, в тот момент я не думала о Димином наряде. Но после слов подруги обратила внимание на то, что одежда действительно не совсем соответствовала звездному статусу певца: на нем были какие-то странные джинсы, белая маечка и несуразного вида белый пиджак с закатанными по локоть рукавами. Я задумалась. Мне стало немного стыдно за то, что я, будучи профессионалом, просмотрела такую немаловажную деталь.

Немного позже ко мне подошел Юрий Шмильевич с вопросами о том, как мне нравится Димино выступление и какого я мнения в целом об артисте. Сравнить мне было не с кем, так как это был мой первый опыт общения с шоу-бизнесом и с артистами-звездами вживую. Как я уже объяснила выше, супруг мой Виктор Николаевич никогда не делал мне таких шикарных подарков. Ни подарков, ни цветов даже на день рождения. Естественно, я совершенно обалдела от счастья и с восторгом ответила Юрию Шмильевичу, что мне все нравится и какой Дима чудесный (впрочем, здесь я не лгала).

Мои ребяташки – Андрюша и Коля, которым в тот момент было соответственно три с половиной и два с половиной года полюбили Билана сразу. Они распределили между собой песни – Андрюшка с упоением танцевал под «Ты должна рядом быть», а Коля – под «Мулатку-шоколадку». Закончился вечер весьма оригинальным подарком Юрия Шмильевича и Димы. Они преподнесли мне бутылку водки

«Билановка» и подарочный набор шоколада «Дима Билан», на упаковке которого был изображен Дима с очень трогательной собачкой на руках.

Наверное, можно было бы еще долго вспоминать подробности того новогоднего праздника, но они, поверьте, уже не имеют существенного значения. После веселья мы расстались практически друзьями и обменялись телефонами. Собственно, так и состоялось мое первое знакомство с Юрием Шмильевичем и Димой Биланом, которые уже в Москве стали постоянными гостями моего салона «Franck Provost» в Петровском пассаже. А я потихоньку начала присматриваться к миру, в котором вращался Айзеншпис, заодно познакомившись и с другими его протеже – в частности, группой «Динамит».

* * *

Начался февраль. Периодически Юрий Шмильевич звонил мне, заинтригованный началом знакомства, и с укором спрашивал:

– Ну что, дружба закончилась?

– Нет, конечно же! – горячо возражала я и тут же интересовалась новостями, которые Юрий Шмильевич мне с удовольствием рассказывал.

Наконец, я получила приглашение приехать в Москву на съемки клипа «Ты должна рядом быть», на что отреагирова-

ла с большим удовольствием. Я познакомилась со съемочной бригадой и, – что самое интересное, – с режиссером клипа Гошей Тоидзе, очень креативным и талантливым клипмейкером.

Съемки проходили на улице. Трещал настоящий февральский мороз, от которого сводило скулы и зубы. Мы с Юрием Шмильевичем зашли в небольшое кафе рядом со съемочной площадкой погреться и переговорить о предстоящем отборочном туре на Евровидение-2005, куда Дима уже подал заявку. Песней, которую решили представить на отборе, была как раз «Ты должна рядом быть».

Процесс очень беспокоил Юрия Шмильевича, и он рассуждал о претендентах, которые могут помешать Диме выиграть этот отбор. Называл разные фамилии: многие из них были мне совершенно не известны (позже почти с каждым из них судьба столкнет меня в различных ситуациях). Я внимательно слушала с заинтересованным лицом и пыталась запомнить претендентов: Стоцкая, Подольская, Слава.

Чуть позже к нам присоединился музыкальный критик и журналист газеты «Московский комсомолец» Артур Гаспарян, который еще не раз появится на страницах нашего повествования. Артур постарался успокоить Юрия Шмильевича, очень подробно объяснил все плюсы и минусы каждого исполнителя, дал несколько рекомендаций по поводу Димы. К сожалению, относительно фаворитов Евровидения Артур ничего сообщить не мог.

Юрий Шмильевич был далеко не всесилен. Он нуждался в союзнике, и одного из этих союзников он увидел во мне.

– Яна, а ты можешь как-нибудь разузнать по поводу Диминых шансов? – вдруг спросил он.

Я слегка растерялась. Конечно, я была знакома кое с кем из звезд в силу рода своей деятельности, но при этом была абсолютно далека от шоу-бизнеса. Мой супруг, к которому я обратилась в тот же вечер, тоже ничем поспособствовать не мог по той же причине – мир шоу-бизнеса был ему в то время неизвестен.

Досмотрев съемки клипа, я уехала обратно в Сочи. Однако я пообещала Юрию Шмильевичу оказать содействие и свое слово сдержала. Мне стоило немалых усилий навести справки о конкурсе, задействовав все свои знакомства и попутно заведя новые. Первое столкновение с медийной сферой меня потрясло – я искренне сочувствовала тем, кто выбрал родом своей деятельности этот нелегкий бизнес. Тогда я не знала, что совсем скоро окажусь по ту же сторону баррикад.

Но удивительно было не это. Дело в том, что Юрий Шмильевич каким-то шестым чувством понимал, что, несмотря на хорошую подготовку и прекрасную песню, Дима все равно не выиграет отборочный тур. Не просто понимал, а пребывал в полной уверенности. Чуть позже, узнав об основных продюсерских правилах, соблюдаемых Айзеншписом, я все

время удивлялась – а почему тогда вообще подали эту заявку. Мне кажется, дело все в том, что отбор на Евровидение – то самое мероприятие, где важно оказаться независимо от конечного результата. Это престиж артиста.

Как мы ни суетились, все равно эта сомнительная затея с Евровидением нам не удалась. Мы с родителями с азартом принимали участие в телезрительском голосовании и слали в Москву эсемески в поддержку Димы. Жюри присудило Билану максимальное количество баллов, и по мастерству он действительно был лучший. Но вот остальные телезрители сделали выбор в пользу Наташи Подольской, хорошо запомнив ее по «Фабрике звезд». В итоге Наташа выиграла отборочный тур по сумме баллов.

– Вот посмотрим, какое место займет Подольская на самом Евровидении, – с досадой прокомментировал Юрий Шмильевич, когда я позвонила ему сразу после объявления результатов.

– Нет справедливости! – возмущался Дима, едва Айзеншпис передал ему трубку сказать несколько слов.

Я пыталась успокаивать их, говоря, что все к лучшему, что на следующий год Дима обязательно поедет, и что все будет хорошо.

Наташа Подольская заняла в тот год лишь 15 место. До сих пор интересно, какое бы место занял Дима, если бы поехал он. Как говорится, «если бы да кабы», а вот в 2006 году в Афинах Дима оказался вторым. Так получилось, что оправ-

дались мои предположения. Но эту победу Юрий Шмильевич, к сожалению, уже не увидел. Год же 2005 был не самым лучшим в Диминой жизни. Увы.

В то время я раздумывала о том, кто из известных артистов мог бы стать лицом моей компании «La Scala». Задача была примерно следующая: звезда должна быть молодой и чрезвычайно перспективной. Кроме того, она должна обладать фотомодельной внешностью и собственной «изюминкой», чтобы и ее имидж, и имидж моей компании, представляющей такие топовые бренды как Yves Saint Laurent, Gucci, Roberto Cavalli, Prada, DSquared, Dolce & Gabbana, Christian Dior соответствовали друг другу.

Подопечные Юрия Шмильевича мне чрезвычайно импонировали – я считала их идеальными кандидатами. Юрий Шмильевич обладал удивительным вкусом и ко всем его артистам можно было применить слово «fashionable» – не в искаженном русском смысле «фешенебельный», а в смысле «модный, стильный». Но среди всех я выделяла именно Диму Билана, который, по моему мнению, был одним из самых интересных молодых певцов.

Новогоднее замечание моей подруги по поводу внешнего вида Димы фактически стало «эврикой» для меня. В то время Дима, скажу откровенно, не сильно отличался своим стилем от других артистов. Было видно, что его имиджем занимались мало и нерегулярно. Чуть позже я узнала, что зако-

выка была не в отсутствии вкуса у Димы, а в отсутствии возможностей. Юрий Шмильевич его совсем не баловал. Жил Дима в простенькой двухкомнатной съемной квартире на Соколе, а машину «БМВ» третьей серии, на которой Дима ездил, Юрий Шмильевич оформил на себя – позже эту машину вообще отберет его гражданская супруга Елена Ковригина. По большому счету, Дима жил обычной жизнью обычных людей. И его личные доходы были сопоставимы с доходами менеджера среднего звена. Тут уж не до топовых марок.

Забегая вперед, скажу, что впоследствии Дима ни разу: ни словом, ни намеком не упрекнул Юрия Шмильевича за строгость по отношению к себе. Наоборот, он понимал, что Айзеншпис сделал для него очень много – и как для артиста, и как для человека. В частности, оградил от многих подводных камней шоу-бизнеса. И от многих соблазнов в том числе. Это все равно, что оберегать неокрепший росток от мороза...

Итак, продолжим наш рассказ. В пользу того, чтобы Дима стал лицом моей компании говорило то, что он оказался потрясающе талантлив. И еще в его облике было что-то особенное, что заведомо отличало его от других: взгляд, походка, драйв, харизма. Плюс ко всему он был очень живой, искренний. У меня очень развита интуиция, и вы можете не поверить, дорогие читатели, но уже в тот момент я понимала, что Диму ждет большое будущее и ставку стоит делать именно на него.

Поэтому после коротких раздумий решение было принято. Я позвонила Айзеншпису.

– Что вы скажете, Юрий Шмильевич, если Дима станет лицом моей компании?

– Скажу «добро», – кратко ответил Юрий Шмильевич, в отличие от меня ни секунды не раздумывая.

Это было хорошее предложение. Сеть моих бутиков прекрасно знали в Сочи и за его пределами. Диме как известному артисту нужна была хорошая модная одежда. К тому же, близилась ежегодная премия «Астра», которую учредил и проводил мой хороший знакомый Игорь Григорьев, основатель журнала «Ом».

Итак, мы с Юрием Шмильевичем очень быстро договорились, а Дима в принципе не возражал, поскольку – я не ошиблась – просто обожал хорошую одежду. Я предложила полностью одеть Диму, разработать ему стиль, а Дима, соответственно, становился лицом сети моих бутиков и два раза в год должен был представлять look известных марок.

Мы сделали несколько фотосессий, а Дима и Юрий Шмильевич выбрали себе из одежды все, что душа пожелала. Так и состоялся бартер. И именно с этого началась наша тесная дружба с Димой и Юрием Шмильевичем. Им настолько понравилось моя компания, что они стали постоянными посетителями моего салона в Петровском Пассаже да и других бутиков.

Тут требуется небольшое лирическое отступление. Дело в том, что я стараюсь хорошо делать все, за что берусь, и считаю, что именно в этом состоит успех моего бизнеса. Я никогда никого не заставляла сотрудничать со мной, не ставила условий, не скандалила, не требовала, не изобретала «хитрых» договоров с кабальными условиями для моих партнеров. Мне, прежде всего, дорога высокая оценка результатов моего труда, и тут я действительно настаиваю, чтобы все было на высшем уровне. Поэтому было действительно приятно, что и Юрий Шмилевич, и Дима делают мне такое своеобразное «признание в любви», посещая мои салоны красоты. В результате Дима начал рекламировать еще и их.

Мне, по большому счету, ничего не нужно было от этих людей, но я видела, что им приятно общаться со мной. А мне было приятно общаться с ними. Это были трогательные отношения, какое-то витавшее в воздухе предчувствие дружбы из разряда того, о чем «не объявляется»: когда обе стороны деликатно присматриваются друг к другу и ужасно боятся эти отношения нарушить. Я старалась не быть навязчивой и никогда даже не звонила первая. Мы постоянно встречались и общались в моем салоне.

Постепенно и очень органично я стала личным стилистом Димы, создавая ему имидж и подбирая одежду. Юрий Шмилевич же примерно по пять раз на дню рассказывал мне, насколько я интересна в салонной и фэшн-индустрии, повторяя в каждом разговоре фразу: «Яна, давайте сделаем ка-

кой-нибудь совместный проект!»

* * *

Пожелания Айзеншписа относительно продолжения совместного сотрудничества удалось очень быстро реализовать.

С 27 по 29 мая 2005 года в Сочи проходил ежегодный Wella Color Congress – престижное мероприятие, организованное компанией Wella, на которую по традиции собираются все самые известные стилисты и представители салонов красоты не только России, но и мира. Открытие конгресса должно было пройти в концертном зале «Фестивальный» гостиницы «Жемчужина».

Я со своей компанией «La Scala Fashion Group» подготовила шикарное дефиле. Следуя трендам того года, мы поставили умопомрачительное шоу в стиле дикой природы: фактурные ткани с леопардовыми и тигриными расцветками, роскошные струящиеся платья, украшенная стразами обувь. Были приглашены известные модели, Юрий Шмильевич порекомендовал мне режиссеров-постановщиков, которые подготовили перед этим презентацию Димы Билана.

Я пригласила Аниту Цой и, конечно же, Диму, который должен был озвучивать песней «Ты должна рядом быть» финал моего дефиле – когда я в сопровождении моделей как автор этого показа, выхожу к зрителям.

Мы очень старались – по-другому я не могу. Каждое дви-

жение девушек, буквально каждый жест были тщательно отрепетированы. Перед началом шоу я так сильно волновалась, что по несколько раз бегала проверять – все ли в порядке у моделей, целы ли платья, правильно ли расставлены декорации, не забыли ли про софиты. Словом, пыталась контролировать все.

Шоу прошло с грандиозным успехом. Зрители пребывали в полном восторге – такое зрелище можно увидеть, не считите за пафос, только у самых именитых модельеров мира. На сцене был разыгран целый спектакль – модели проявили себя как настоящие актеры, виртуозно изображая жителей каменного века. И вот буквально в последнюю минуту на словах «Ты должна рядом быть», исполняемых Димой, я под овации выхожу на подиум и... в этот момент в зале гаснет свет.

В первые минуты никто не понял, что произошло. Зал погрузился в кромешную тьму, воцарилась полная тишина. Раззадоренные зрители поначалу решили, что это оригинальная режиссерская находка – многие тут же достали зажигалки, мобильные телефоны и начали подсвечивать зал. Однако еще через несколько минут пронесся вздох удивления – хорошо, света нет, но почему нет музыки? И зал взорвался свистом и криками.

А в это время я растерянно стояла на подиуме, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть, и чуть не плакала от досады. Ну, надо же – впервые за двадцать пять лет в зале «Фестиваль-

ный», где никогда ничего подобного не случилось, отказало электричество. И именно тогда, когда я – хозяйка этого показа, автор концепции – в момент своего триумфа выхожу... меня никто не видит! Плюс, не сочтите меня слишком прагматичной, мы оплатили аренду зала как участники конгресса, и наш номер был фактически сорван этим происшествием. Убытки налицо.

На ощупь достав мобильный, я позвонила мужу:

– Виктор Николаевич, тут в «Фестивальном» свет выключился...

– Сейчас решим, – был ответ...

«Сейчас» продлилось минут сорок. После этого нам ничего не оставалось, как отпустить уставших зрителей, которые так и не увидели в этот день окончание моего шоу.

Но не в моих правилах – не доводить до конца начатое. Я позвонила президенту Wella-конгресса и объявила, что финал дефиле необходимо повторить по известным ему причинам. Причем безвозмездно. Завтра. Мои аргументы оказались ему убедительными, он принес многочисленные извинения и распорядился поставить окончание номера сразу же перед церемонией закрытия конгресса.

На следующий же день я, гордая и счастливая, под звуки «Ты должна рядом быть» все-таки вышла на подиум со своими моделями. Зал рукоплескал стоя. Однако этот поступок оценили не только зрители, но и Юрий Шмильевич, который после представления подошел ко мне и объявил:

– Могу сказать только одно. Ты человек, который для достижения собственной цели никогда ни перед чем не остановится и всегда все доведет до конца. – Он немного задумался и, помолчав, добавил. – ...Все-таки я не могу понять, зачем тебе понадобилось повторять этот выход? И так было ясно, что все прошло великолепно, и все знали, кто автор шоу...

– Юрий Шмильевич, – с достоинством пояснила я. – В этом шоу не было предусмотрено выключение света. И я хотела, чтобы зрители увидели его именно таким, как оно было задумано. От начала и до конца!

– Уж очень непростая ты девушка, – покачал головой Юрий Шмильевич.

Думаю, именно в тот момент он впервые начал всерьез ко мне присматриваться. А я тогда даже не подозревала, как скоро мне понадобятся те важные уроки, которые преподавал мне этот необыкновенный человек. Но пока я об этом не задумывалась, просто впитывала всю информацию, которую от него получала.

МУЗ-ТВ-2005 – И НА СОЛНЦЕ ЕСТЬ ПЯТНА

*На своих ошибках учатся, на чужих – делают
карьеру.*

Александр Фюрстенберг

После Wella Congress Юрий Шмильевич и Дима уехали в Москву – там буквально через несколько дней должна была пройти ежегодная церемония «Премии Муз-ТВ», где Дима был заявлен в одной из номинаций.

Для каждого артиста ежегодные национальные и международные премии – это целые события, участие в которых почетно и престижно. Во-первых, каждое из таких мероприятий подводит своеобразный итог всему, что сделал артист за прошедший год. Во-вторых, позволяет привлечь к своему творчеству внимание не только слушателей, но и специалистов, которые непосредственно участвуют в карьере любого музыканта – продюсеров, первых лиц музыкальных теле- и радиоканалов, других влиятельных персон шоу-бизнеса, журналистов, знаменитостей. Такие полезные знакомства очень важны, так как подразумевают множество возможностей.

Бытует мнение, что премии продаются и покупаются. Это не совсем так. Конечно, личное знакомство с организатора-

ми премий и конкурсов часто действительно играет некоторую роль, но далеко не решающую.

Большинство рейтингов, особенно общенациональных, таких как tophit.ru, подкупить нереально, так как сюда стекаются сводки из большого количества источников о том, сколько раз появилась в эфире та или иная композиция артиста, сколько на нее было откликов и так далее. Охватить и оплатить все эти источники, симитировав чью-то популярность, наверное, можно, но уж больно накладно. Гораздо дешевле написать и исполнить хорошую композицию.

Поэтому главная интрига всех премий заключается именно в том, кому из уже известных исполнителей, чьи заслуги очевидны и чье имя на слуху они будет вручены. Именно артисты и их продюсеры переживают, волнуются – а будет ли в следующем году получена долгожданная награда или же нет? Членам жюри тоже непросто – выбрать из достойных самого достойнейшего. Случайных же людей, о которых никто не слышал и которых никто не слушал, на премиях, в принципе, быть не может.

Юрий Шмильевич пригласил на церемонию вручения «Премий Муз-ТВ» меня и мою подругу Милену – мы должны были эффектно подъехать на лимузине к красной дорожке и пройти по ней. С нами собиралась лететь Елена Корикина, с которой мы познакомились чуть ранее на «Кинотавре», но в последний момент она отказалась.

Утром 3 июня мы приземлились в аэропорту Внуково и

сразу же поехали к «Олимпийскому», где готовилось шоу. Мы были буквально в пяти минутах от спортивного комплекса, когда позвонил Юрий Шмильевич. Едва сдерживая эмоции, он удрученно сообщил мне, что Дима на церемонию не пойдет.

– Что-то случилось, Юрий Шмильевич? – обеспокоенно спросила я, понимая, что отказ идти на церемонию вручений «Премии» означает что-то очень серьезное.

– Все расскажу, приезжай сейчас в ресторан «Весна», что на Новом Арбате, мы тебя ждем...

В этот момент телефон у Юрия Шмильевича выхватил Дима и чуть ли не прокричал в трубку, что так всегда и бывает и это шоу-бизнес. А параллельно фоном в трубку неслись ругательства – Юрий Шмильевич очень эмоционально обсуждал с кем-то произошедшее, перемежая слова отчаяния с возмущенными репликами. А наша машина уже на полной скорости неслась в направлении, прямо противоположном первоначальной цели путешествия.

Войдя в ресторан «Весна», мы с Миленой поднялись на второй этаж, где со скорбными лицами сидели Юрий Шмильевич и Дима. Хотя выражение «сидели», пожалуй, мало подходит – Юрию Шмильевичу постоянно звонили, он беспрерывно с кем-то ругался. Наконец, не выдержав, он попросту отключил телефон и вкратце рассказал, что произошло. Дело в том, что накануне вручения премии руководство некоторых каналов – а речь шла о Первом канале, главной

кнопке страны, телеканале Муз-ТВ и Love Radio – не нашло взаимопонимания. После этого Первый канал в мягкой форме «не рекомендовал» многим артистам участвовать в очередной «Премии Муз-ТВ».

Поскольку Первый канал всегда имел огромное влияние, некоторые артисты решили не искушать судьбу и отказались от участия. Это означало, что номинанты свою награду попросту не получают – не явившиеся на церемонию награждения артисты будут успешно заменены другими, более стоговорчивыми. В итоге Дима остался без своей «тарелки», положенной ему за победу в одной из номинаций. Она досталась другому артисту.

Вот этим и был возмущен Юрий Шмильевич. Пока он переживал эту неудачу, энергично жестикулируя, к нашему столу присоединились Юрий Викторович Аксюта, музыкальный продюсер Первого канала и Илья Бачурин, в тот момент занимавший серьезный пост на канале MTV. Юрий Шмильевич тут же обратился к ним со страстной речью смысл которой заключался в том, что во всех странах, если артист должен получить награду, он получает ее независимо от того, пришел он на церемонию или нет. А в нашей стране все шиворот-навыворот и чего еще можно ожидать?

Именитые гости нашего стола сочувственно слушали и пытались хоть немного успокоить Айзеншписа. Но он был безутешен. Через некоторое время, взяв себя в руки, он смирился с ситуацией и даже попытался улыбнуться, но я виде-

ла, что у него на душе царит полный мрак. Он очень переживал за своего подопечного Диму Билана.

Чтобы окончательно разрядить обстановку, Юрий Викторович пригласил всю нашу компанию на день рождения сына Константина Львовича Эрнста. Торжество проходило в узком кругу друзей и близких в небольшом ресторанчике как раз неподалеку.

Игорь – именинник – был несказанно рад Диминому приезде и после того, как Юрий Шмильевич представил нас хозяевам торжества, Дима вызвался спеть несколько композиций. В итоге вечер закончился на мажорной ноте.

Пара – Константин Львович Эрнст и его супруга Лариса Васильевна Синельщикова – произвела на меня неизгладимое впечатление. Это воистину императорская чета – не просто король и королева, а император и императрица российского шоу-бизнеса. Константин Львович – статный, элегантный, блестяще эрудированный, с тонким чувством юмора. Лариса Васильевна поразила остротой ума и какой-то исходящей от нее внутренней силой. Константин Львович и Лариса Васильевна излучали особую энергетику, свидетельствующую об очень прочном внутреннем стержне и твердом характере.

А Юрий Шмильевич тем временем был полностью погружен в свои мысли – и эти мысли были, естественно, о Диме. Он все-таки никак не мог отвлечься от произошедшего.

– Ну, хоть «Астру» мы должны выиграть? – спрашивал он

у меня.

Я молчала, не зная, что ответить. Понимала, что мои рассуждения по этому поводу сейчас будут восприняты в штыки и приравнены, как минимум, к трагедии.

Возвращались домой мы глубоко за полночь – я морально готовилась к упрекам Виктора Николаевича относительно моего «фривольного» образа жизни. Дело в том, что Виктор Николаевич гостей не любил, сам никуда не ходил и требовал, чтобы я поступала точно так же. Однако род моей деятельности всегда подразумевал интенсивное общение, чего Виктор Николаевич не мог принять.

* * *

Накануне вручения премии «Астра» я безумно волновалась и переживала, как и любая женщина, беспокоясь о том, как я буду выглядеть. А Юрий Шмильевич был озабочен только «Астрой», где Дима был номинирован как «Самый стильный певец». После инцидента с «тарелкой» Айзеншпис страстно хотел получить «Астру», хотя в отличие от Муз-ТВ, шансов на нее в этом году практически не было.

Я позвонила Игорю Григорьеву с вопросом, каковы у Димы шансы на «Астру».

– Вообще говоря, шансы есть, – ответил Игорь. – Но не в этом году. Пойми меня правильно. Мы видим, как Дима изменился, насколько он стал интереснее чисто внешне, бо-

лее стильным. Но есть масса артистов, которые разработали свой стиль задолго до Димы и которые весь год над этим целенаправленно работали... Мы обязательно должны их поощрить.

– А что мы должны сделать, чтобы премия была наша? – прямо в лоб спросила я.

Игорь засмеялся, оценив степень моего нахальства:

– Яна, при всем уважении, в этом году – ничего. Просто продолжайте в том же духе, не останавливайтесь. И когда-нибудь «Астра» достанется вам.

– Ясно. – Я положила трубку.

А что я хотела услышать? Мы действительно начали с Димой работать только в марте, а вручение премии должно было состояться в мае. Понятно, что времени прошло совсем мало.

Вечером состоялся разговор с Юрием Шмильевичем. Я рассказала ему про разговор с Григорьевым, чем вызвала абсолютно непредсказуемую реакцию.

– Еще раз позвони Григорьеву! – громыхнул Юрий Шмильевич. Я впервые увидела его рассерженным. – Звони и уточняй, что нужно делать!

– Но Юрий Шмильевич, – оправдывалась я. – Это абсолютно невозможно. Игорь Григорьев прав, мы начали работу с Димой слишком поздно для получения премии этого года. Если бы чуть раньше...

– Ничего не хочу знать! – отрезал Юрий Шмильевич. –

Нет таких «невозможностей», которые не возможно было бы сделать. При желании!

Я огорченно пожала плечами. Убедить Юрия Шмильевича, который из мягкого человека буквально в несколько секунд способен превратиться в человека-скалу, было нельзя. Тем не менее, после долгих препирательств, я все-таки уговорила его прийти на церемонию вручения премии «Астра-2005», которая проходила в Московском международном Доме Музыки на Космодамианской набережной.

Для меня эта церемония имела особое значение – как я уже говорила, это был мой первый выход в московский фэшн-свет. Первое впечатление, как известно, определяет дальнейшее общение. Поэтому я просто сломала голову, думая о том, что надеть и как себя вести. В итоге, решив сделать ход конем, я попросту слетала в Милан и приобрела необыкновенной красоты леопардовое струящееся платье от Dolce & Gabbana. К нему прилагались босоножки со стразами в таком же стиле. Таких платьев было всего два в мире, по крайней мере, именно так мне сказали, и один из них я приобрела прямо в шоу-руме. На всякий случай, «про запас» я приготовила наряд от Наоми Кемпбелл, сшитый из кожи питона со вставками из шкуры пони и стразами.

В день вручения премии я облачилась платье Dolce & Gabbana, надела эти самые босоножки со стразами, начесала хвост и в сопровождении Юрия Шмильевича и Димы отправилась на церемонию.

Приключения начались сразу же, как только мы вошли в холл Международного Дома Музыки. Моему изумлению не было предела – я буквально лицом к лицу столкнулась с Ольгой Слуцкер в... точно таком же платье Dolce & Gabbana и... точно таких же босоножках! Ольга, думаю, была изумлена не меньше. Мы обменялись короткими взглядами, и я опрометью бросилась обратно в салон, благо Неглинка рядом. Переодевшись в платье от Наоми Кемпбелл, я вернулась в зал, отметив про себя, что с Ольгой Слуцкер мы обязательно поладим, поскольку наши вкусы совпадают.

Премию в номинации «Самый стильный певец и певица» вручал специальный гость Джей Джей Йоханссон, который перед этим исполнил несколько своих песен.

Когда конверт с именами победителей был вскрыт, ведущий громко объявил имя самого стильного певца 2005 года:
– Илья Лагутенко!

Зрители зааплодировали. Счастливый Илья Лагутенко взлетел на сцену и начал что-то говорить, сжимая в руке хрустальную астру.

Юрий Шмильевич был мрачнее тучи. Я видела, как он переживает и, пытаясь утешить, участливо произнесла:

– Юрий Шмильевич... Ну, не огорчайтесь вы так, пожалуйста. Мы будем готовиться. На следующий год обязательно победим... Вы же сами понимаете, было совершенно невозможно взять «Астру» в этом году...

И тут Юрий Шмильевич исподлобья посмотрел на меня:

– Яна! – спокойно и веско сказал он. – Запомни самое главное правило шоу-бизнеса! Если ты не уверен, что твой артист получит премию, если у тебя нет стопроцентной гарантии, что твой артист – лучший, и первая премия – его, ты никогда не должен идти на церемонию!

Это был урок номер один от мэтра российского шоу-бизнеса. Больше Юрий Шмильевич не проронил ни слова до конца шоу.

«ПЯТЬ ЗВЕЗД», ИЛИ ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ШОУ-БИЗНЕСОМ

На съемках клипа звезда российской эстрады Алла Пугачева вдруг срывается с высоты и падает. Зрители с ужасом замирают. Наконец, Аллу Борисовну благополучно ловят и ставят на землю без единой царапины. Вдруг кто-то спрашивает:

– А желание все успели загадать?

Анекдот

10 июля 2005 года, через месяц после «Астры», в Сочи состоялся первый ежегодный конкурс молодых исполнителей «Пять звезд». Я взяла на себя организацию этого мероприятия и договорилась с организаторами конкурса, что участников абсолютно официально расселят в «Парк-отеле», который принадлежал моему мужу Виктору Николаевичу. Именно Юрий Шмилевич порекомендовал мне договориться с Первым каналом по поводу места проживания конкурсантов, так как сам он очень любил останавливаться в «Парк-отеле» и перспектива селиться в «Жемчужине» его не сильно прельщала.

Несмотря на тесное общение с Юрием Шмилевичем и Димой я пока никого из мира шоу-бизнеса не знала, мне

все было интересно и все в новинку. Я поговорила с Виктором Николаевичем и, получив положительный ответ, спросила Айзеншписа, что делать дальше. На следующий день он подъехал ко мне в салон красоты, и прямо оттуда мы отправились к Ларисе Васильевне Синельщиковой в офис компании «ВИД». Решить все вопросы нам удалось буквально в течение десяти минут, а заодно я еще раз убедилась в удивительном таланте Юрия Шмильевича договариваться с людьми.

С тех пор «Парк-отель» – сейчас он носит название «Маринс-Парк-отель» – является официальной гостиницей конкурса.

Дима и Юрий Шмильевич приехали в Сочи первыми. В «Парк-отеле» тогда было всего несколько особых президентских номеров класса люкс на одиннадцатом этаже, которые назывались «Казанова». В каждом из этих роскошных однокомнатных номеров были джакузи, изысканная французская кровать под балдахин, эксклюзивный журнальный столик, позолоченное трюмо. Интерьер был стилизован под барокко. Словом, все выглядело очень красиво.

Однако, будучи незнакома с принципами расселения звезд первой величины, я допустила ошибку. Когда в отель съехались акулы шоу-бизнеса, именитые продюсеры, члены жюри – Иосиф Кобзон, Алла Борисовна и Филипп Киркоров (они поселились в «Рэдиссон САС Лазурная»), Валерия с Иосифом Пригожиным, группа «Чай вдвоем» и многие дру-

гие, выяснилось, что все хотят те самые шикарные номера на одиннадцатом этаже, в которые я поселила... угадайте кого? Правильно. Юрия Шмильевича и Диму Билана.

Возмущению знаменитостей не было предела. Почему Дима Билан и Айзеншпис живут в лучших номерах отеля, в то время как другие звезды должны «ютиться» в люкс-премиум и люкс-апартамент? Я еле-еле уладила эту оплошность, хотя хлопот был полон рот и без этого – я находилась в оргкомитете конкурса и носилась как сумасшедшая, договариваясь о вечеринках, банкетах, презентациях.

Дима в компании Юрия Шмильевича, совершив рейд по магазинам под прицелом фотообъектива Михаила Филимонова из «Экспресс-газеты», наконец дорвался до пляжа и буквально за день до начала конкурса умчался загорать и купаться, отключив телефон и даже никого не предупредив, где он. Обеспокоенный Юрий Шмильевич вызванивал то его, то меня, с тревогой спрашивая, не появился ли беглец – но я только плечами пожимала. Когда под вечер Дима вернулся в отель, это выглядело буквально как явление Христа народу. Народ при этом поджидал своего «спасителя» с кислыми лицами. Обгорел наш хулиган не на шутку и помимо взбучки от Юрия Шмильевича, получил еще и порцию сметаны, которой был обмазан с ног до головы.

Первый день конкурса проходил под знаком Аллы Борисовны – все участники должны были исполнять песни только из ее репертуара. Поэтому, когда мы незадолго до нача-

ла представления отправились с Юрием Шмильевичем и моей подругой Наташей Бочкаревой к директору концертного зала «Фестивальный» Евгению Паснюку, Айзеншпис предупредил меня:

– Оденься как следует. Там будут Алла Борисовна и Филипп Киркоров, я тебя с ними познакомлю. Нужно сразить их наповал.

Недолго думая, я явилась пред ясны очи Евгения Паснюка вся в белом. На мне был look от Роберто Кавалли, в точности такой же, как на последнем показе мэтра: белые джинсы, расшитые драгоценными камнями и стразами Swarovski стоимостью в несколько тысяч долларов и весом в пять килограммов, белая простая рубашка из той же коллекции и элегантный ремень из крокодиловой кожи. Я была крайне довольна собой, зная, что Филипп Киркоров обожает Кавалли и наверняка оценит мой наряд. Однако, как оказалось, я слабо представляла себе, кто же такие Филипп Киркоров и Алла Борисовна.

Пока мы с Наташей и Юрием Шмильевичем мило беседовали, сидя в приемной «Фестивального», дверь раскрылась и в холл буквально вплыла эта пара – Филипп и Алла, оба... тоже в белом! На Филиппе был сверкающий камнями и стразами концертный костюм с боа, который ему сшили специально для песни «Карнавал», а вокруг Аллы Борисовны струилось нечто воздушное – казалось, только нимба и не хватает, и готов ангел во плоти.

– Солнцеликий пришел! – шепнула мне на ухо Наталья. Я невольно улыбнулась.

– Здравствуйте, – немного сухо вато произнесла Алла Борисовна, глядя на Айзеншписа.

– Здравствуйте, – как можно более любезно заулыбалась я и чуть ли не закивала. У меня буквально отвисла челюсть от всего этого великолепия.

– Добрый день, – поздоровался Юрий Шмильевич и представил нас с Наташей. – Это Яна Рудковская, супруга владельца «Парк-отеля», это Наталья Бочкарева, дочь губернатора Пензенского края.

Алла Борисовна молча кивнула и минуту внимательно разглядывала меня, Наталью, Юрия Шмильевича. Она излучала совершенно бешеную энергетику, которая сшибала с ног, путала мысли и вообще вгоняла в священный трепет. Даже если бы мы не знали, кто она такая, и без пояснений было ясно, что перед нами мегазвезда. Филипп тоже молча разглядывал нашу компанию.

Юрий Шмильевич завел с Аллой Борисовной непринужденный светский разговор. Наконец, речь зашла о «Премии Муз-ТВ» и несправедливости по отношению к Билану. Алла Борисовна недовольно поморщилась. Она сделала паузу, после чего веско огласила приговор:

– Зря ты так, Юра. Телеканалы-то помирятся. А вот Билана жалко.

Юрий Шмильевич заметно занервничал и, замявшись,

стал оправдываться:

– Да не мог он приехать, рейс задержали.

– Ладно, Юра... – Примадонна явно пребывала в хорошем расположении духа, поэтому, изящно взмахнула холерной ручкой, показывая, что тема закрыта.

После этих слов пара прошествовала мимо нас напрямиком в кабинет Паснюка. А Юрий Шмильевич расстроился и посерьезнел. Я не задавала вопросов, понимая, что сейчас его не стоит теревить – настолько велико было напряжение. Мы все вместе – Наталья и Юрий Шмильевич – отправились на концерт. Дима был уже за кулисами.

* * *

Дима, с обгоревшим на солнце и замазанным гримом лицом исполнил песню «Расскажите птицы» из репертуара Аллы Борисовны. Юрий Шмильевич и я сидели на втором ряду неподалеку от Аллы Борисовны и Филиппа. Боковым зрением я заметила, как Юрий Шмильевич следит за реакцией примадонны на Димино выступление. Но все было в порядке – Алла Борисовна улыбалась и хлопала. Айзеншпис же не находил себе места, он то хватался рукой за поручень кресла, то пытался поудобнее устроиться. Заметив его телодвижения, я попыталась его подбодрить:

– Юрий Шмильевич, ну что же вы так переживаете? Из-за того, что сказала Алла Борисовна?

Он как-то странно посмотрел на меня и коротко ответил:

– Я боялся этих ее слов... Вот сейчас думаю, может, я действительно был неправ и стоило пойти на церемонию.

– Даже не знаю, что сказать, Юрий Шмильевич... – сочувственно покачала я головой.

– Да ничего не говори. Это так, мысли вслух. – И он продолжил смотреть концерт.

На следующий день все артисты исполняли уже свои песни. Дима спел «Ты должна рядом быть» и присоединился к нам. После него на сцену вышел Ираклий, протеже Максима Фадеева – он начал исполнять «Лондон—Париж». На полуслове вдруг выключилась фонограмма и артист продолжил песню уже без музыки, а капелла. Увидев растерянность на его лице, я толкнула Диму в бок, и мы во весь голос затянули:

– Лондо-о-он – Пари-и-и-иж, голуби вве-е-ерх, блики кры-ы-ыш...

Зал вслед за нами тоже принялся подпевать. Обрадовавшись неожиданной помощи, Ираклий послал мне воздушный поцелуй и кинул розу, поймав которую, я тут же пристроила к себе в прическу. Можно сказать, что таким нетривиальным образом состоялась наша первая с Ираклием встреча, а чуть позже завязалась дружба, которую мы поддерживаем до сих пор.

Концерт еще не закончился, а Юрий Шмильевич уже собирался на выход:

– Вечером мы с Аллой и Филиппом ужинаем! – объявил

он программу.

Мы с Димой суетливо поднялись вслед за ним, хотя больше хотели остаться на after party в ресторане «Времена года» в «Парк-отеле». Там был натянут огромный экран, и можно было еще раз посмотреть концертные выступления артистов. Кроме того, туда приезжали все участники «Пяти звезд» и множество знаменитостей, а я была не прочь с ними познакомиться.

Мы вышли из «Фестивального». На площадке перед зрительным залом находился бар, где в этот момент «дегустировал» спиртное Отар Кушанашвили. Если выражаться точнее, он был уже в стельку пьян и громогласно выносил свои оценки конкурсантам, заочно призывая их с собой советоваться. Все это прекрасно было слышно зрителям последних рядов, а до первых звуки его голоса пока еще не долетали. Я говорю «пока», потому что градус повышался, а вместе с этим и децибелы Отарова голоса.

– Ты бы уже заканчивал пить, а? – посоветовал ему Юрий Шмильевич. – Сам позоришься и других позоришь...

– Н-е-е-е... – Кушанашвили погрозил ему пальцем, хитро сощурившись. – Я сейчас все скажу...

– Извините, но вам, кажется, уже хватит, – робко вставила я.

– А ты кто такая? – Отар воззрился на меня, удивленный и озлобленный. – Тебе слова не давали!

– Отар, это жена хозяина отеля, – пояснил Юрий Шми-

льевич. – И наша с Димой хорошая знакомая.

– А-ха-ха-ха! – загоготал Отар. – Очередная девочка Батурина...

Я побледнела. У Юрия Шмильевича от такого хамства просто глаза на лоб полезли.

– Да ты что! – замахнулся он на Отара. – А ну извинись!

Отар отшатнулся. По сравнению с Юрием Шмильевичем он был довольно крупным молодым человеком и явно намного сильнее. Но у Юрия Шмильевича в глазах горел такой гнев, что, казалось, он может испепелить грубияна до самых ботинок.

– Не, ну ты чего, Шмилич, – вдруг пошел на попятную Отар. – Я же пошутил, ты чего. Да ухожу я уже, ухожу... Ах, простите, мадам, – церемонно раскланялся он, расставив руки, как крылья самолета, и попятился в сторону выхода.

Во «Временах года» собрались почти все участники «Пяти звезд». С Юрием Шмильевичем мы договорились встретиться здесь через час – все-таки я его уломала немного побыть на вечеринке. Я познакомилась с девушками из группы «Фабрика». Мы мило пощебетали о том о сем, сфотографировались.

В это время на экране промелькнул Филипп Киркоров. Я обернулась, чтобы посмотреть запись, и вдруг, откуда ни возьмись, рядом со мной материализовался сам Киркоров собственной персоной:

– Ну что, понравилось? – спросил он с улыбкой.

– Очень! – восторженно ответила я.

– А мне понравился твой наряд, – похвалил Филипп. –

Кавалли, последняя коллекция.

– Вы, оказывается, разбираетесь и в женской коллекции

Кавалли? – лукаво посмотрела я на него.

– Хороший артист должен разбираться во всем! – гордо

объявил Филипп и тут же спросил. – Мне сказали, что у тебя

здесь бутики есть. И какие марки представлены, кроме Ка-

валли?

– Все те, Филипп, которые вы любите...

– Надо зайти. Телефончик оставишь?

Мы обменялись телефонами, и Киркоров упорхнул об-

щаться с гостями. Я восторженно посмотрела вслед королю

поп-музыки.

Подошел Юрий Шмильевич:

– О чем с Филиппом говорили? – поинтересовался он.

– Да так, ни о чем, пару слов, – ответила я. – Телефонами

обменялись.

– А зачем? – насторожился Юрий Шмильевич.

– Хотел в бутики и в салон приехать!

– Ох уж этот Филипп, – явно без восторга протянул Юрий

Шмильевич.

– Что-то вы не очень высокого мнения о нем. Но почему?

Он же король поп-музыки! – удивилась я.

– Так-то оно так, – задумчиво ответил Юрий Шмилье-

вич. – Но до чего же хитрый лис, скажу тебе...

– Вы переживаете за Диму? – засмеялась я. – Но ведь они же не конкуренты. И все равно вы Филиппа недолюбливаете...

– Поживешь – узнаешь. Не хочу больше про него, – отмахнулся Юрий Шмильевич. – Я по поводу ресторана, собственно, подошел.

– Едем?

– Едем, но в другое место. Я пригласил Юрия Аксюту с супругой Светланой и Диму. Тебя тоже приглашаю.

Юрий Викторович Аксюта оказался очень приятным человеком и собеседником. За ужином мы подробно обсудили «Пять звезд», я узнала много нового о закулисных тайнах российского шоу-бизнеса. Таким образом, вечер прошел, как говорится, в теплой дружественной атмосфере.

– Юрий Викторович – отличный мужик, тот самый человек, с кем нужно поддерживать контакт, – по дороге обратно в гостиницу делился со мной Юрий Шмильевич. – Если надо, подскажет и по поводу репертуара и нужных людей посоветует... Давно с ним дружу.

Я слушала и кивала.

Закрытие фестиваля «Пять звезд» проходило в знаменитом сочинском клубе «Малибу», куда были приглашены все знаменитости, члены жюри и некоторые из конкурсантов. Юрий Шмильевич позвал меня в VIP-зону, где уже находи-

лись Лариса Долина, Валерия и Иосиф Пригожин. В то время Лера и Иосиф были фаворитами Первого канала, поэтому ни одно мероприятие, устраиваемое каналом, не обходилось без этой пары. Мы познакомились, сфотографировались, попутно Юрий Шмильевич комментировал все происходящее, отзываясь об Иосифе Пригожине с большим уважением и периодически называя его своим учеником.

Внезапно толпа внизу засуетилась – приехал Филипп Киркоров. Он царственно прошел внутрь, поболтал с каждым и направился ко мне:

– Ну, как дела? – Видимо, он уже навел обо мне справки.

– Все хорошо, – любезно улыбнулась я ему и вдруг вспомнила, чего мне хотелось с самого начала. – Ой, Филипп, а можно с вами сфотографироваться?

– Легко! – лучезарно улыбнулся Филипп и, развернувшись лицом к фотографу, взял меня под руку. Фотограф сделал несколько снимков. – А на мой концерт в Сочи тебя можно пригласить?

– Да! – ответила я, затаив дыхание. – Звоните!

Подошел Юрий Шмильевич. Филипп кисло улыбнулся ему, тот ответил тем же. Можно сказать, обмен любезностями состоялся.

– О чем был разговор? – сухо поинтересовался Айзеншпис.

– Да на концерт приглашал. – Я довольно улыбалась во все тридцать два зуба.

– Ясно. И чего ты там не видела, на этом концерте? – Юрий Шмильевич поморщился. – Я тебе один добрый совет дам. Не ходи. И вообще держись от него подальше.

– Почему? – Такая реакция Айзеншписа действительно была странной.

– Потом поймешь, – коротко ответил Юрий Шмильевич.

Слова Юрия Шмильевича я запомнила. Филипп еще не однажды приглашал меня на свои концерты, но я, сославшись на занятость, так ни разу и не пришла. Такое настороженное отношение оставалось аж до Евровидения-2006, когда я рискнула обратиться к Филиппу за поддержкой, о чем ни разу не пожалела. Однако Юрий Шмильевич был во многом прав: Филипп действительно оказался непростым человеком.

ЮРИЙ ШМИЛЬЕВИЧ И ЕГО БОЛЕЗНЬ

Единственный способ сохранить здоровье – есть то, что не любишь, пить то, что не нравится, и делать то, что не хочется делать.

Марк Твен

Фестиваль закончился. Я выпала из высших кругов тогдашнего шоу-бизнеса и до поры до времени зажила своей обычной жизнью, углубившись в свой салонный и фэшн-бизнес. Юрий Шмильевич продолжал общаться со мной и моей семьей.

Мои папа и мама отнеслись к Юрию Шмильевичу с большим уважением и сразу прониклись к нему симпатией. Папа будучи заместителем генерального директора, занимался по просьбе Айзеншписа организационными вопросами, связанными с проведением фестивалей. Мама, врач высшей категории и кандидат медицинских наук, наблюдала за его здоровьем.

Юрий Шмильевич тяжело болел. Мама очень волновалась за его самочувствие и однажды после осмотра сказала мне страшную фразу:

– Яна, он очень болен. Очень...

– Что ты такое говоришь, мама, – попыталась протесто-

вать я, а у самой сердце сжалось.

– К сожалению, это правда, – вздохнула мама. – Ему требуется очень тщательный уход.

Юрий Шмильевич выглядел моложе своих лет, да и общался, в основном, с молодежью. Он взялся наслаждаться жизнью, вел множество дел с большим количеством людей, строил планы. Невозможно было предположить, что этого человека очень скоро не станет.

Айзеншпис очень любил ходить в мои салоны, особенно тот, что при «Парк-отеле». Там ему делали маникюр, педикюр, косметические процедуры, массаж. Я помню, как он рассказывал мне про пожилую женщину, которая проводила сеансы массажа, называя ее «бабушкой». Та все время возмущалась:

– Да какая я вам бабушка, Юрий! Вы намного ли меня моложе?

Как потом выяснилось, они были одного года рождения.

За те несколько недель, что прошли со времени окончания фестиваля «Пять звезд», Юрий Шмильевич очень сильно похудел. В ответ на мои вопросы он только отмахивался:

– Ну да, похудел, есть немного...

В конце лета Юрий Шмильевич позвонил мне и сообщил что лежит в больнице. Мы с Димой тут же поехали к нему. Айзеншпис встретил нас довольно бодро. Уж не знаю, как ему это удавалось, но, несмотря на осунувшийся вид, он был весел и много шутил. Вслед за нами подъехал Гоша Тоидзе

похвастаться своим новым клипом «Моя Моями», снятым для группы «Динамит» во Вьетнаме.

Творения Гоши я уже неоднократно видела – это и «Ты должна рядом быть», и «Поздравляю». Относительно второй песни я сразу и однозначно высказалась, что она слишком специфична для того, чтобы крутить этот клип по телевидению. Это концертная песня, она не может быть следующим синглом Димы. Юрий Шмильевич возражал, я спорила. В итоге песня действительно покрутилась в платной ротации на Муз-ТВ, но большого впечатления на телезрителей не произвела, что и требовалось доказать.

Мы посмотрели клип «Моя Моями» и пришли в полный восторг – он превзошел все наши ожидания. Да и сама песня была потрясающе хитовой.

– Ну, что скажешь? – обратился ко мне Юрий Шмильевич.

Гоша непонимающе воззрился на меня, пытаясь сообразить, почему я так часто появляюсь в жизни этого продюсера.

Я кивнула, мол, нравится.

– То ли еще будет! – вздохнул принялся рассказывать Гоша, не в силах удержать при себе свои планы. – Димин новый клип будет еще лучше. На песню «Как хотел я». А знаешь, где снимать его будем?

– Думаю, где-нибудь за границей, – наугад ответила я.

– Да не где-нибудь, а в Панаме. Там такие локейшны, что закачаешься!

– Да уж, – качал головой Юрий Шмильевич. – Только очень дорого получается.

Оказывается, новое творение Гоши потянуло на 160 тысяч долларов.

– Да ладно вам, Юрий Шмильевич, расстраиваться, – утешал его Гоша. – Песня-то какая сильная, выстрелит мощно!

Юрий Шмильевич снова покачал головой.

Пока Юрий Шмильевич лежал в больнице, к нему «не за- растала народная тропа» – навестить его приезжало множество людей. Даже Виктор Николаевич, которого не назовешь сентиментальным человеком и у которого было правило – не ходить на похороны и не навещать больных – вдруг пожаловал к Юрию Шмильевичу с гостинцами.

Поначалу я удивилась такой метаморфозе, но потом вдруг открыла простую причину странного поступка мужа: за то время, пока Юрий Шмильевич лежал в больнице, Виктор Николаевич умудрился его уговорить организовать концерт Билана в славном городе Белгороде, с губернатором которого, господином Савченко, в то время Батулин находился в состоянии затяжной войны. Батулин втайне мечтал, чтобы Савченко сняли с поста губернатора. А концерт был чем-то вроде небольшой пакости противнику.

Как только Юрий Шмильевич выписался из больницы, мы буквально за несколько дней собрали людей, объяснив им всю сложность акции: возможны провокации и диверсии со стороны хозяев региона. В итоге к стоимости концерта Ай-

зеншпис добавил «за вредность» еще 50 процентов и дал добро.

Мы с Димой и группой «Динамит» полетели в Белгород на самолете Батурина. С нами был журналист из «Экспресс-газеты», с которым договорился Юрий Шмильевич. Надо написать репортаж и сделать фотосъемку этого непростого концерта. Сам же Виктор Николаевич не поехал, предпочитая держаться от опасных мест подальше.

Каково же было общее удивление, когда наш самолет приземлился вместо Белгорода... в Курске.

– Не понял, – удивился Юрий Шмильевич.

Звонок от Виктора Николаевича разъяснил ситуацию.

– Этот... меня испугался! – кричал муж в трубку. – Запретил посадку в Белгороде! Ну ничего, отсюда три часа на машине до Белгорода.

Успеем ли мы на концерт, где ждали нас жители города, было непонятно. Юрий Шмильевич заметно волновался и все время спрашивал:

– Там все будет нормально?!

Я даже не знала, что ему ответить. Я представляла себя участницей военной игры «Зарница», а Савченко – кем-то вроде Карабаса-Барабаса. Тем не менее я постаралась Юрия Шмильевича успокоить – волноваться ему нельзя.

Когда мы прибыли в Белгород, до выхода на сцену оставалось тридцать минут.

– Десять минут на подготовку! – скомандовала я.

– А как же саундчек? – возмутились музыканты во главе с Димой.

– Какой саундчек! Времени в обрез! – Я видела, что Юрию Шмильевичу стало плохо после трех часов тряски по проселочным дорогам.

В срочном порядке я организовала музыкантам обед и за-верила, что за непредвиденные осложнения они получают бонус.

Как только ребята настроили аппаратуру – отключили свет, что делало проведение концерта невозможным. Оказывается, постаралась администрация города.

– Вот невезуха! – с досадой выпалила я и тут же «поймала» звонок от Виктора Николаевича. – Витя, тут свет отключили!

– Давай, решай вопрос! – взвился Батурин.

Зрителей не только не убавилось, но даже стало больше. Люди – от мала до велика – кричали и топали, вызывая артистов, и были явно огорчены тем, что шоу срывается. Видимо, это и сыграло решающую роль. Администрация Белгорода, поняв, что люди не разойдутся, а еще, глядишь, и погром на заводе устроят, решила все-таки сменить гнев на милость. Через два часа нам дали свет.

Далее все прошло идеально. Выступление Димы и «Динамитов» поддержали большим количеством плазменных экранов и фейерверками. Зрителям раздавали бесплатные чипсы и пиво, детишкам – шоколадки. Батурин был доволен,

артисты тоже, и самое главное, я видела, как счастливы были люди. В «Экспресс-газете» чуть позже появилась заметка «Чем темнее ночи, тем ярче звезды» – впечатленный увиденным журналист во всех красках расписал наши злоключения и наш триумф. Концерт прошел на «ура», а уж чем закончилась история с Савченко не все ли равно?

Из Белгорода Юрий Шмильевич и Дима сразу же улетели на съемки нового клипа «Как хотел я» в Панаму, который, забегая вперед, получился изумительным, заняв достойные места в хит-парадах. А мы с моей подругой Миленой отправились в Милан заказывать новые коллекции.

Однако в Белгород нам еще предстояло вернуться – но об этом в следующей главе.

МАША МАЛИНОВСКАЯ

*– Вася, расскажи, как тебе понравился Париж!
– Ой, Маня! Вышел я на Эйфелеву башню, глянул
налево – боже ж ты мой! Глянул направо – ничего
себе! Глянул прямо – с ума сойти!.. Мань, ты чего
плачешь?*

*– Васенька, красота-то какая...
Анекдот*

Год 2005-й изобилдовал множеством увлекательных событий, одним из которых было знакомство с Машей Малиновской и подготовка к ее депутатским выборам.

С Машей мы познакомились незадолго до «Кинотавра». В тот момент ее уволили с Муз-ТВ из-за проблем то ли со внешностью, то ли еще по каким-то причинам, слухи ходили разные. По крайней мере, на фестивале уже все знали, что она больше не работает на телевидении.

Познакомил нас Юрий Шмильевич. Сообщив, что Маша приехала в Сочи специально поучаствовать в «Кинотавре», он дал мне телефон Маши, а ей – мой. Мы созвонились, договорились встретиться. И прямо накануне церемонии Маша подъехала ко мне в салон познакомиться и заодно навести марафет.

Красивые и довольные, мы выехали их салона минут за сорок до начала церемонии открытия «Кинотавра» – вре-

мя вполне достаточное для того, чтобы добраться до «Зимнего театра», где проходило мероприятие. Но только не в этот день. На горе рядом с церковью образовалась огромная пробка, все было перекрыто. Маша заметно нервничала – ей, конечно же, не терпелось пройти по красной дорожке. Мне было страшно неудобно, что мы опаздываем, а тут еще, как назло, хлынул проливной сочинский дождь.

До начала оставалось буквально пять минут и, не выдержав напряжения, Маша с зонтиком наперевес выпрыгнула из машины и побежала в вечернем длинном платье по лужам в сторону «Зимнего театра». «Какая же смелая девушка», – подумала я и не ошиблась. Пройдет время, и я разочаруюсь в этом человеке. А пока продолжим.

В августе в Польше должны были начаться съемки фантастического реалити-шоу «Империя», организованные Первым каналом. Звезды предназначалось разыграть настоящий спектакль – изображать феодальное общество, где есть свои хозяева и рабы, замки и деревни, борьба за власть, придворные интриги и так далее. Юрий Шмильевич предложил отправить туда Машу, так как деваться ей все равно было некуда, не пропадать же медиа-лицу. К тому же мне было ее жалко. Я думала, что это так несправедливо – взять да уволить девушку.

Юрий Шмильевич договорился с Первым каналом, чтобы Машу взяли в «Империю». Диму же он отпускал скрепя сердце и с большими оговорками – понимая, что август

обычно «мертвый» месяц в концертной деятельности. Но все равно, то и дело вздыхал:

– Чем там просиживать, лучше бы что-нибудь полезное сделал... Да и скучно без него, признаться.

У участников реалити-шоу отобрали мобильные телефоны – таково было условие – и Дима «выпал» из активной жизни. Как оказалось, всего на пару недель, поскольку Маша устроила на «Империи» какую-то диверсию, после чего была высечена розгами и, не выдержав такого грубого обращения, запросилась «на волю». За ней покинул шоу и Дима, который, кажется, проникся к Маше нешуточной симпатией.

По возвращении я познакомила беглянку со своим супругом. Как раз в это время Виктор Николаевич запускал для ЛДПР предвыборную кампанию в Белгородской области, где губернатором был и остается небезызвестный Евгений Савченко. Владимир Вольфович высказал пожелание, чтобы кандидатом в депутаты стала какая-нибудь знаменитость, желательно кумир молодежи. Выбор пал поначалу на меня и Диму. В связи с большой загруженностью Димы его кандидатура отпала. Моя же персона не была одобрена Виктором Николаевичем, поскольку я для него всегда была дурочкой, которая ни ступить, ни молвить не умеет. Нужно было найти кого-то еще. И тут как раз очень кстати подвернулась Маша.

Виктор Николаевич пригласил ее для беседы, где подробно объяснил, чем она должна будет заниматься, предложил

ей хорошую зарплату, и Маша, загоревшись идеей, с радостью согласилась.

Мы тоже обрадовались и принялись готовить Машу к депутатским выборам. Печатали открытки с ее изображением, делали фотосессии. Я договаривалась со многими политологами, чтобы они подготовили девушку, ввели в курс дела – лицо-то медийное, но в политике разбиралась слабо и об интересах народа имела представление весьма приблизительное.

Каково же было мое удивление, когда все ее репетиторы начали звонить мне и возмущаться тем, что Маша на занятия не ходит и на звонки не отвечает. Я отлавливала Машу с завидным упорством, а та изворачивалась и врала напраполаю, придумывая разные причины, почему она ну никак не может прийти на занятия в назначенное ей время.

Однако Машина кандидатура была озвучена, рекламная кампания запущена – до выборов оставалось не так уж много времени, всего месяц с небольшим. Отступить было уже некуда. Мы с Виктором Николаевичем занимались организацией мероприятий в поддержку Маши.

Батурин хоть и не был с нами в Белгороде летом, но очень хорошо запомнил тот концерт, который Дима там давал по его договоренности. Особенно Виктору Николаевичу нравился аншлаг, который мы собрали. Поэтому у него возникла идея организовать что-то подобное в Машину поддержку.

Но второй раз Дима в Белгород приехать уже не мог. Би-

лан уехал выступать к одним очень серьезным людям, которые заранее оплатили его концерт. Разорваться, к сожалению, было невозможно. А музыкантов, которые кроме него могли бы собрать огромные залы и стадионы было не так уж много. Вот группа «Звери», например, смогла бы. Они пользовались тогда бешеной популярностью.

Я позвонила директору «Зверей» и попросила ребят приехать в Белгород 20 сентября.

– У нас концерт в Вильнюсе, – огорчил меня директор.

– А может быть сделать так, – невозмутимо предложила я, – мы заплатим за вас неустойку и пришлем за вами самолет. Сколько вы хотите за концерт?

Немного подумав, директор «Зверей» назвал нам рекордную сумму:

– Восемьдесят тысяч долларов!

От неожиданности я чуть не ойкнула в трубку.

– Одну минутку, я согласую это со спонсорами. – И тут же перезвонила Виктору Николаевичу. Как ни странно, стоимость его устроила.

Снова набрав номер директора «Зверей», я подтвердила заказ.

– Восемьдесят тысяч долларов?! – застонал Юрий Шмилевич, узнав о том, сколько музыканты запросили за двухчасовой концерт. – Да эти «Звери» просто озверели! Максимум двадцатка, максимум!

– Плюс неустойка, Юрий Шмилевич, – успокаивала его

я.

К слову, Дима, если бы был свободен, выступил бы абсолютно бесплатно.

Проблема была еще вот в чем. До 20 сентября оставалось всего две недели, а ведь нужно еще рекламу предстоящего события организовать. К тому же администрация Белгорода была не в восторге от деятельности Виктора Николаевича – он в это время судился с губернатором за то, что компании «ИНТЕКО-Агро» якобы не дают работать в регионе.

Тем не менее, мы умудрились организовать рекламную кампанию – скрыв тот факт, что Виктор Николаевич имеет к концерту прямое отношение. Спонсором мы «обозвали» ЛДПР и с большим скрипом нам все-таки разрешили дать представление в городском парке. Зал снять нам просто не позволили бы.

Директор «Зверей» встретил нас радушно, заливался буквально соловьем и старался обеспечить нам как можно больше удобств. Как бонус к 80 тысячам долларов нам досталось несколько ящичков с дисками группы, куда мы тут же решили вложить фотографию Маши Малиновской. С виду получалось все пристойно: на обложке диска сами «Звери», а если открыть коробочку, то внутри фото Маши Малиновской в красивой позе. Вроде бы как «Звери» выбирают Машу, а Маша – «Зверей».

Сам же Рома Зверь показался мне человеком нелюдимым и необщительным. Буркнув «здрасьте», он прошел в салон

самолета и тут же отправился в находящуюся в хвосте самолета спальню. Все время, пока мы летели, он проспал. Проснулся Рома уже на подлете к Белгороду.

– Привет, меня зовут Яна, – радостно поприветствовала я его.

– Очень приятно. Роман, – сдержанно ответил он без тени улыбки.

– Ну, – замялась я, не зная, что сказать. – Будем общаться...

– А о чем? – поинтересовался Рома.

– Ну, так... – смутилась я. – Пока ни о чем.

– Угу, ясно...

После этого я поняла, что Рома – парень точно не разговорчивый.

В назначенный день в городской парк пришло огромное число зрителей – по нашим подсчетам их количество перевалило за двадцать тысяч. Рома и его «Звери» дали совершенно фантастическое шоу. Описывать концерт – все равно, что пытаться словами передать цвет и запах. Одни междометия на ум приходят и все восторженные! Словом, мы ни разу не пожалели о 80 тысячах долларов, а заодно поняли, почему только «Звери» и Билан способны собрать такой аншлаг. «Звери» потрясающе работают вживую, и у них филигранно все – от настройки аппаратуры до собственно исполнения.

Публика восторженно ревела, а мы с Машей в это время сновали в толпе и раздавали диски «Зверей» с Машиной

фотографией внутри и листовки, призывающие голосовать за депутата Машу Малиновскую. Надо сказать, что агитация в этот день была уже запрещена. Примерно через полчаса после начала нашей деятельности, нас задержала милиция и конфисковала все диски. Мы оправдывались и так и сяк, мол, Маша – это вообще-то фотомоделль, и она якобы «Звездам» позировала для диска. Счастье, что нас не забрали в милицию, а просто диски отобрали. Видимо, Маша пользовалась в Белгороде большой популярностью.

Итак, концерт прошел успешно и закончился на большом подъеме. Довольные и счастливые, мы погрузились в самолет и двинулись обратно в Москву – скоро должна была состояться ежегодная церемония Russian Music Awards на Васильевском спуске, куда я тоже была приглашена Юрием Шмилевичем.

Должна немного покаяться. В порыве предвыборного азарта мы скрыли от главы ЛДПР Владимира Вольфовича Жириновского тот факт, что Маша почти не готовилась к своей депутатской службе. Машинная бездеятельность вызвала недовольство членов ЛДПР и в конечном итоге стала причиной исключения Маши из состава депутатов. Так печально оборвалась ее политическая карьера. Столько стараний зря пропало...

СМЕРТЬ АЙЗЕНШПИСА

*А в час, когда мой след во всех сердцах сотрется,
Лишь в этот страшный час скажи, что умер я.
Аррани Атааллах*

Незадолго до моего отъезда в Белгород и как раз накануне подготовки к премии Russian Music Awards-2005 Юрий Шмильевич позвонил мне и неестественно бодро объявил, что неважно себя чувствует. Сообщение он завершил просьбой договориться о его госпитализации в Кардиологический центр им. А. Н. Бакулева, что на Рублевском шоссе.

Мне стало тревожно – едва в трубке раздались короткие гудки, я бросилась обзванивать знакомых, кто мог бы посодействовать. Еще минут через пятнадцать Юрий Шмильевич перезвонил и сообщил, что Анита Цой уже договорилась и его увозят в бакулевский центр. Попросил навестить.

Через пару часов я примчалась в больницу, где уже находился Дима и, сидя рядом с Юрием Шмильевичем, о чем-то с ним беседовал. Когда я увидела Айзеншписа, у меня сердце сжалось: он лежал на больничной койке, утопая в огромной подушке, резко выделяясь на фоне кипенно-белых простыней, такой худенький и беззащитный, словно тростинка. За тот месяц, пока мы с ним не виделись, он стоял как свечка, и от него одни глаза остались – умные, живые, проника-

тельные глаза. Дима поднял голову, мы переглянулись с ним, и я поняла – дело очень серьезно.

Зато Юрий Шмильевич отказывался признавать свою болезнь. Увидев меня, он тут же жестом пригласил меня сесть рядом и без предисловий начал:

– Диме нужно готовить сольный концерт в Олимпийском...

Я молчала, не зная, что ответить. Тем временем Юрий Шмильевич продолжал:

– Записать еще несколько треков. И клип снять на песню «Я умираю от любви» – мы обсуждали, помнишь?

– Помню, – онемевшими губами прошептала я. – Я уже договорилась с Гошей Тоидзе, все ждут вашего выздоровления.

Юрий Шмильевич замолчал, отведя глаза в сторону. Видно было, что он собирался что-то еще сказать, но раздумывал, надо ли. Наконец, видимо, что-то для себя решив, он добавил:

– Скоро премия (RMA. – *Прим. ред.*). Не оставляй Диму, пожалуйста, присмотри за ним. Я не смогу...

– Юрий Шмильевич, конечно, не волнуйтесь! – воскликнула я абсолютно искренне.

Айзеншпис немного успокоился. До RMA была еще много времени – почти две недели – поэтому я даже не сомневалась, что к моменту награждения он успеет поправиться и вместе с Димой пройдет по красной дорожке.

Доверившись providению, я в относительном спокойствии уехала в Белгород, где мы провели концерт в поддержку Маши Малиновской, о котором вы читали выше. А в это время Юрий Шмильевич, лежа в больнице, руководил процессом, объясняя, как, куда и к кому нужно обращаться, ссылаясь на него.

Зная, как Айзеншпис волнуется из-за Димы – а речь шла в этот раз шла о двух номинациях «Лучший артист» и «Лучший певец» – я стала предварительно наводить справки в MTV, прощупывая почву относительно Диминых шансов. В MTV молчали «как рыба об лед», уклончиво отвечая, что «победит достойнейший». Меня такой ответ совершенно не устраивал. Наконец, ценой невероятных усилий я таки добыла информацию относительно фаворитов RMA-2005.

19 сентября ближе к вечеру я на своей машине плутала в районе улицы 1905 года, пытаюсь найти ресторан «Шинок». И в тот момент, когда навигатор вывел меня, наконец, на правильную дорогу, раздался звонок:

– Яна, здравствуй! – Это был Юрий Шмильевич.

– Здравствуйте, Юрий Шмильевич, как вы себя чувствуете? – поинтересовалась я.

– Вот, врачи не отпускают, – грустно сказал Айзеншпис. – Необходимо, чтобы ты и Миша пошли послезавтра с Димой на RMA, я попросил у одного приятеля роллс-ройс, предупрежу всех...

– Юрий Шмильевич, что вы такое говорите?! – закричала

я. – Вы же такой молодец, без вас эта церемония не может состояться!

– Церемония состоится и без меня, Яночка, – так же грустно констатировал Юрий Шмильевич, – Пожалуйста, пойдите вместе с Димой и Мишей (сыном Айзеншписа. – *Прим. ред.*), это моя просьба.

Мне стало не по себе. Уже тогда я знала от мамы, что у Юрия Шмильевича всерьез неважно со здоровьем и ему предстоит длительное лечение. Но что все закончится быстро и трагично, я не могла себе представить. 19 сентября 2005 года был последний день, когда я слышала его голос. Я запомнила этот день навсегда...

На следующий вечер, буквально накануне церемонии РМА около восьми часов мне позвонил директор Димы Дмитрий Бушуев. Он рыдал в трубку.

– Юрий Шмильевич... умер... – таковы были его слова.

У меня внутри все рухнуло. Где-то фоном я слышала задорный Димин смех, видимо, Бушуев был первым, кто узнал эту ужасную новость.

– Дима знает? – машинально пролепетала я.

– Нет. Я не знаю, как сказать ему... Не знаю... – Бушуев был в полном смятении, он не мог даже внятно говорить.

Господи, что же теперь будет...

Повесив трубку, я тут же перезвонила мужу.

– Виктор Николаевич, что делать? – говорила я, а сама не узнавала свой голос.

– Пока не знаю, – серьезно сказал Батурич. – Пока не знаю... – И резко положил трубку на рычаг.

Еще через полчаса мне позвонила Лариса Васильевна Синельщикова.

– Лариса Васильевна, что же делать? – растерянно спросила я...

– Пока ничего не знаю, я перезвоню, – кратко ответила она и тоже положила трубку.

И Константин Львович, и Лариса Васильевна обладают непререкаемым авторитетом в шоу-бизнесе.

Константин Львович – блестящий продюсер, креативный, талантливый человек, генератор многих успешных идей. Лариса Васильевна под стать ему – сильная, властная, волевая. Единственная женщина, которая, не будучи артистом, совершила настоящую революцию в шоу-бизнесе. Я понимала, что она, тот самый человек, который сейчас может дать по-настоящему здравый совет.

Наконец, ближе к девяти вечера раздался звонок, которого все мы боялись. Звонил Дима. Он плакал навзрыд:

– Яна... Я не понимаю, что происходит... Я не знаю, что делать дальше. Как я буду жить без него?

Я молчала. Он продолжал.

– Я чувствую себя словно между небом и землей... У меня же здесь больше никого нет, кроме него... Этот человек для меня – все! Яна, скажи что-нибудь... Яна!

– Дима... – Я с трудом подыскивала слова. – Знаю, это

очень трудно. Но постарайся успокоиться сейчас. Вот именно сейчас. Хотя бы до завтра. Мы встретимся завтра с тобой, пойдем вместе на церемонию, хорошо?

– Я никуда не пойду! – закричал Дима. – Никуда не пойду! Ты не понимаешь! Все это бессмысленно без него! Не имеет никакого смысла, понимаешь? Никакого!

– Дима... – Я пыталась говорить как можно спокойнее, хотя мне в этот момент очень хотелось разрыдаться вместе с ним. – Он – я не называла имени – хотел, чтобы ты пошел туда. Он мечтал, чтобы ты получил эту премию. Ты сильный, ты должен пойти. Ты не имеешь права не пойти. Он все сделал для того, чтобы твой успех состоялся... Ты не можешь поступить вот так с ним. С собой...

– Я не смогу, – растерянно повторял Дима... – Я не в том состоянии. Как я пойду. Как? Господи, как же я все это ненавижу!

Он бросил трубку. В этот день по моим и без того натянутым нервам то и дело стучали трубками и били короткими гудками.

Как все не вовремя. Как нелепо.

Я набрала телефон Ларисы Васильевны и начала объяснять, что Дима отказывается идти завтра на РМА. Лариса Васильевна не дослушала меня до конца:

– Билан пойдет, – отрезала она. – Это не обсуждается. Он должен и обязан прийти и получить свои награды, которые заслужил!

Думаю, что именно уверенность, поддержка и авторитет Ларисы Васильевны сделали свое дело. Дима снова перезвонил мне примерно через полчаса после моего с ней разговора. Он уже немного успокоился и убитым голосом сказал:

– Слушай, я в каком-то тумане. Абсолютно не понимаю, что происходит. Честно говоря, мне кажется, что все это не со мной. – Он немного помолчал и попросил. – Ты завтра сама руководи всем, хорошо?

– Хорошо, – тихо пообещала я...

На следующий день мы встретились у дома Юрия Шмилевича, и я впервые увидела его гражданскую жену Елену Ковригину, с которой потом будет связано немало грустных минут. С ней был заплаканный Миша, сын Юрия Шмилевича. Мы приняли решение, что по красной дорожке мы и группа «Динамит», тоже осиротевшие подопечные Айзеншписа, пройдем с черными повязками на рукавах. Сев втроем – я, Дима и Миша – в арендованный Юрием Шмилевичем роллс-ройс, мы отправились к Васильевскому спуску, прямо под стены Кремля, где должна была проходить церемония награждения Russian Music Awards-2005.

Наверное, именно к Диме в полной мере относится выражение «огонь, вода и медные трубы». «Медные трубы» триумфа действительно стали для него тяжелым испытанием – когда Дима, повесив голову, шел по ковровой дорожке, а поклонники свистели и кричали ему: «Дима, ты лучший!». Это был какой-то театр абсурда, «пир во время чумы».

«Ты лучший...». Юрий Шмильевич не дожид до этих слов всего один день.

Далее все происходило как в замедленной съемке.

В наш шатер то и дело заходили какие-то люди, произносили слова соболезнования, пытались утешить. Поддержать нас приехала Анита Цой. Но Дима никак не реагировал. Он просто сидел и молчал. Я в это время занималась в основном Мишей, у которого то и дело выступали слезы. Когда Дима поднимал голову, я видела его абсолютно стеклянные глаза, которые смотрели сквозь меня, сквозь остальных присутствующих. Мне было страшно.

– Дима, ты только держись, хорошо? – трогала я его за плечо. – Ты только держись, пожалуйста, ты должен быть сильным. Это больно, но ты держись. Иначе ты ничего не выиграешь в жизни...

Он молчал.

Дима получил «матрешки» из рук организаторов – «Лучший артист», «Лучший певец» – со сцены со слезами поблагодарил Юрия Шмильевича. А в это время я, Маша Малиновская, Костя Николаев, ребята из группы «Динамит», президент Fashion-TV Катя Витебская, Миша Айзеншпис, стоя перед сценой, держались за руки и «болели» за него.

Наконец, как планировалось, Дима запел. Наверное, я назову это выступление одним из самых сильных в его жизни. Хотя... Поймите меня правильно, дорогие читатели. Дима – действительно талантливый артист и он потрясающе играет

на сцене те песни, которые исполняет. Но сейчас он вложил в эти звуки, в эти слова все свое отчаяние. Это было настолько пронзительно, что на огромной площади, полной праздной публики, среди которых были не только его поклонники, но и недоброжелатели, царила мертвая тишина все время, пока он пел. И лишь когда он замолчал, площадь взорвалась криками и аплодисментами. А Дима в это время стоял на сцене и смотрел на публику. Просто стоял.

После этого выступления Дима забрал своих «матрешек» и все так же молча, ни с кем не прощаясь, уехал домой...

* * *

Назавтра в Доме кино должно было состояться прощание. Почтить память Юрия Шмильевича приехали не только родные, но и очень многие артисты, продюсеры, деятели культуры. При жизни Юрий Шмильевич не был фанатично привязан к одежде, но по желанию его родных привезли чуть ли не весь его гардероб – и долго прикидывали, в чем проводить его в последний путь.

Мы с Димой пришли в Дом Кино в числе первых. Накануне у меня состоялся тяжелый разговор с Виктором Николаевичем, – и, наверное, я могу сейчас уже точно сказать, что именно этот день положил начало нашему дальнейшему разладу.

Виктор Николаевич убеждал меня не ходить на похороны

Айзеншписа.

– Куда тебя несет?! – эмоционально вопрошал он. – Ты что ему, родня? Сестра? Подруга? Кто ты вообще такая?!

– Я знала и очень уважала этого человека. И я пойду! – Я была полна решимости.

– Я не разрешаю тебе идти! – повысил голос Виктор Николаевич.

– Ты не можешь мне запретить, – тихо добавила я и продолжала собираться.

Это был первый случай, когда я ослушалась своего высокопоставленного и влиятельного мужа.

По странной иронии судьбы в этот день мне позвонили из службы доставки. Пришла одежда из Италии, которую я заказывала для Димы специально к церемонии RMA-2005. Но посылка опоздала – премию вручили вчера. Когда я сообщила Диме о том, что доставили его одежду, он с какой-то грустной ухмылкой прокомментировал:

– Все к одному...

Похоронили Юрия Шмильевича на Домодедовском кладбище. Могила буквально утопала в венках и цветах. После похорон мы на автобусах направились на поминки, организованные вдовой покойного Еленой Ковригиной и клубом «Монолит», членом которого он был.

Еще в автобусе я почувствовала неладное. Появились какие-то списки, всюю шло обсуждение, кого из присутствующих в клуб пустят, а кого нет. В итоге, когда мы приехали в

«Монолит», зал оказался полупустым. Это было немислимо – почтить память Айзеншписа хотело прийти большое количество людей. Однако Елена решила ограничиться лишь родственниками и кое-кем из подопечных. Ни Костю Николаева, который был Юрию Шмильевичу как сын, ни Катю Витебскую, президента Fashion-TV, в «Монолит» попросту не пустили.

Это был еще один шок, еще один удар, который пришлось пережить, в первую очередь Диме. Мой телефон разрывался от звонков. Звонили друзья, коллеги, знакомые – все, кто когда-либо сталкивался с Юрием Шмильевичем. Все знали, что я нахожусь рядом с Димой – свой мобильник Билан попросту отключил, поскольку был не в состоянии выслушивать слова соболезнований. Мне пришлось, стоя у входа в клуб, встречать всех, кто приходил почтить память ушедшего мэтра. Это было настолько морально тяжело, что через полчаса я сдалась и присоединилась к Диме, который понурившись, сидел чуть поодаль от остальных гостей.

Я смотрела на него, и мне казалось, будто он внутренне как бы «замерз». Еще немного – и с ним случился бы нервный срыв, грозящий затяжной депрессией. Пытаясь как-то его отвлечь, я предложила:

– Дима, если хочешь, мы можем уехать отсюда. Давай, съездим на склад и заберем посылку с одеждой из Италии?

Дима молча кивнул. Маша Малиновская, которая держалась поблизости, присоединилась к нам, и мы втроем отпра-

вились на склад, который находился в районе Тверской улицы, где я в то время жила.

Это звучит абсурдно, но все перипетии того дня немного сгладила эта возня с дорогим гардеробом известных марок. Дима внимательно рассмотрел все, что ему прислали, дал немногословные комментарии. Маша же была в полном восторге – она перемерила практически все присланные мне наряды, после чего с горящими глазами объявила, что хотела бы что-нибудь подобное.

– Выбирай, – предложила я.

Затем мы долго разговаривали, обсуждая, как нам жить дальше и что делать. Дима все время повторял, что не представляет себе, как он будет обходиться без Юрия Шмильевича, ведь Айзеншпис опекал его не хуже родного отца. А Елену Ковригину, которая сразу же выразила желание принять дела своего покойного мужа, Дима даже не знал. Но понимал, что без Айзеншписа будет все иначе. И Дима впервые попросил меня не оставлять его. Я смотрела в его глаза, сердце сжималось от жалости, но я слабо представляла себе, чем же я могу помочь этому человеку. Пообещала посоветоваться с мужем.

На том мы и расстались в этот день. Однако мы оба ошибались, думая, что смерть Айзеншписа будет самым сложным испытанием в Диминой и моей судьбе. Самое трудное нас ожидало после...

БИЛАН И МЕДИА-ВОЙНА

*Кто имеет меньше, чем желает, должен знать,
что он имеет больше, чем заслуживает.*

Георг Лихтенберг

Я и многие другие оценили, насколько мужественно вел себя Дима на церемонии RMA. Если кто-то из вас когда-либо терял родных и близких, то вы поймете, чего ему стоило выйти в тот день и профессионально отработать на празднике, где никому не было дела до чужих страданий.

Понимая, что психологическая нагрузка была слишком велика, можно было бы предположить, что Дима возьмет небольшой отпуск или несколько дней отгулов, чтобы немного прийти в себя. Однако так думала, видимо, только я одна. Уже через пару дней после похорон меня всерьез напугал звонок от Димы, который сообщил мне следующее:

– Меня вызывала Елена Ковригина. – Голос его срывался. – Говорит, что я должен отработать шестьдесят концертов, за которые Юрий Шмильевич якобы уже взял предоплату.

– Подожди, – озадаченно пробормотала я. – Какие шестьдесят концертов, какая предоплата? Ты же сотрудничал с Юрием Шмильевичем? Причем тут Елена Ковригина?

– Ох, – вздохнул Дима. – Она возглавит продюсерский

центр, с которым я якобы подписал контракт. Но я ни с какими центрами контрактов не подписывал. Я подписывал контракт с Юрием Шмильевичем...

– Ничего не понимаю...

– И я ничего не понимаю, – продолжал Дима. – Она сказала мне про какие-то права на мой псевдоним «Дима Билан», про эти шестьдесят концертов. Но это неважно... Яна... Это не мои люди, понимаешь? Мне с ними не по пути. Они абсолютно чужие, в них нет ни малейшего намека на творчество.

– А отказаться ты можешь? – спросила я.

– Но как? – Дима был в отчаянии. – Я живу на съемной квартире, сбережений у меня немного и хватит ненадолго. А мне еще семью кормить (Дима регулярно посылал деньги родным. – *Прим. авт.*). Машину – и ту по доверенности вожу, хотя я деньги за нее заплатил... Считай, что она больше не моя, я же не наследник.

– М-да, дела, – протянула я, все еще не зная, что предпринять.

– Яна, – снова спросил Дима. – Что же мне делать?

– Дима, – ответила я. – Ты, пожалуйста, только не волнуйся, хорошо? Я перезвоню тебе через пару часов...

Дима не лгал. Юрий Шмильевич – и об этом мало кто знал, – несмотря на свою заботу, старался держать Диму буквально в ежовых рукавицах и стремился, чтобы наличные деньги к Диме в руки не попадали. Специально для Димы он завел счет, куда переводил его гонорары, но на этом счету к

моменту нашей проверки (это было много позже) денег не оказалось. Куда они делись – можно было только гадать.

Я повесила трубку и подумала о том, что продюсерский центр уж слишком торопится предъявить Диме претензии. К чему терзать человека, который и без того находится на грани отчаяния, тем более, сразу после похорон? Вот этого я не пойму никогда: «Ничего личного, просто бизнес».

Я позвонила Виктору Николаевичу и попросила его приехать. К моему удивлению, он моментально оценил ситуацию и тут же согласился это обсудить. Мы встретились с ним в кафе Vogue на Неглинке, что рядом с моим салоном.

– Дима не раб и не обязан делать то, к чему его принуждают, – заявил Батурин. – Ну и что, что он работал с Юрием Шмильевичем? Контракт теряет силу сразу же после смерти одной из сторон. Поэтому я предлагаю следующее...

И Виктор Николаевич изложил мне небольшой план, по которому предлагал выплатить все неустойки по концертам Димы при том, что эти концерты Дима отрабатывать не будет.

Через пару часов, как и обещала, я перезвонила Диме и пригласила его в ресторан. Когда Дима подъехал, мы с Виктором Николаевичем дали ему подробные инструкции – открыли Гражданский кодекс, объяснили, каким образом и при каких условиях Дима может отказаться от сотрудничества с Еленой Ковригиной, если хочет. Предложили погасить все неустойки по концертам, которые были запланированы

Юрием Шмильевичем с участием Димы. И главное – обговорили с Димой, что именно и в каких случаях он должен говорить.

Когда Дима пришел в офис продюсерского центра «Star Pro», который теперь возглавляла Елена Ковригина и объявил ей, что погасит все неустойки по концертам, но дальнейшее сотрудничество прекращает, Ковригина была в ярости:

– Я тебя засужу, понял?! – Таков был ее вердикт, и, как выяснилось позже, она готова была привести «приговор» в исполнение.

Оказывается, юристы продюсерского центра задним числом организовали ей бумаги, по которым Юрий Шмильевич передал ей все контракты, поскольку она была совладельцем одной из его компаний. Что, к слову, было маловероятно, поскольку Юрий Шмильевич почти никогда не посвящал Елену в свои дела. Таким образом, он не мог передать ей по новому контракту своих артистов. Точно так же, как не мог передать по наследству артистов своему сыну Мише.

Тем не менее, маховик был запущен. В адреса известных теле- и радиостанций полетели письма с требованием убрать из эфира все песни и клипы Димы Билана якобы потому, что права на Диму принадлежат компании «Star Pro», а Дима от сотрудничества отказывается. Со всех сторон Диму и меня поливали грязью, обвиняя чуть ли не в наркомании, в предательстве памяти Юрия Шмильевича, в срыве двадца-

ти пяти концертов (мы заплатили неустойки только по тем выступлениям, которые были документально оформлены), в черной неблагодарности по отношению к Айзеншпису, который вложил «все свои деньги» в раскрутку бренда «Дима Билан». Пресса запестрела заголовками вроде «Дима Билан уходит из жизни», «С кем же останется Витек» (настоящее имя Димы Билана – Виктор. – *Прим. ред.*). Диме в скором времени предрекали полное забвение, почти такое же, что и ребятам из бывшего дуэта «Smash!», но при гораздо более скандальных обстоятельствах.

И мне, и Диме в новинку было такое отношение. Особенно тяжело приходилось Диме, которого до этого, в основном, хвалили. Представьте себе, открывая каждый день прессу, мы читали о себе примерно следующее: «Билан предал мертвого Айзеншписа» или «Парня вытащили из Кабардино-Балкарии, показали кусочек того яркого мира, где кругом поклонницы и вспышки фотокамер. И что теперь?». При этом в прессе Елену Ковригину «невзначай» называли даже Еленой Айзеншпис, что было вдвойне неприятно, поскольку Юрий Шмильевич не оформил отношений с этой женщиной, дав свою фамилию только сыну Мише.

К слову о «последних» деньгах, вложенных в клипы. Ни для кого не секрет, что известный артист и его клип – это еще и рекламная площадка для спонсоров. Поэтому большую часть клипа, как правило, оплачивали именно спонсоры, а чаще покровители неизвестных никому моделей, кото-

рые хотели сняться со звездой.

А пока на наши головы лились тонны помоев. Меня именovali не иначе как «избалованная глупая выскочка». Елена Ковригина же представлялась агнцем на заклании: несчастная вдова, потерявшая мужа, обобранная бессовестными дельцами. То есть мной и Виктором Николаевичем, которые тут же стали для всех врагами номер один. Никто при этом не упомянул, что мы в полной мере возместили компании «Star Pro» все понесенные ею убытки...

Дима тем временем действительно сидел без работы. К ноябрю ни одна из его песен не крутилась на радио, ни один клип не показывался по телевидению, у него не состоялось ни одного концерта! И это после того, как он давал их по двадцать в месяц! Положа руку на сердце, скажите, дорогие читатели, какой из «бессовестных дельцов» может решиться на подобное творческое самоубийство?

Я уговаривала Диму не отчаиваться, а просто начать работать в другом направлении. Нет концертов? Ну что ж... Подойдем к проблеме иначе. Воспользовавшись временным перерывом, а я была абсолютно уверена, что рано или поздно ситуация прояснится – я обратилась в компанию Gala Records, с которой у Юрия Шмильевича был подписан контракт на три альбома. Два уже выпустили, оставался еще один.

– Будем писать новый альбом! – объявила я Диме.

Сама же принялась обзванивать композиторов, с которы-

ми сотрудничал Айзеншпис и которые были авторами известных Диминых хитов. А предлагала я композиторам следующее. Я выкупала их песни со всеми имущественными правами за очень хорошие деньги. Убеждала, уговаривала, объясняла. Насколько хорошие деньги имелись в виду? Не хочу называть вслух, но на гонорар от одной-единственной песни можно было безбедно жить полгода.

Отступая от темы, я бы хотела сказать несколько теплых слов о Викторе Николаевиче Батурине. Несмотря на события, которые произошли в нашей с ним жизни спустя несколько лет, и я, и Дима – мы оба весьма признательны за ту мощную поддержку, которую он оказал нам на начальном этапе. Без него Дима действительно не выжил бы. И сейчас мне очень неприятно и жаль всего, что произошло между мной и Виктором Николаевичем позже.

Продолжаем рассказ.

Встречаясь с авторами, я нашла такие хиты как «Невозможное возможно», «Я тебя помню», «Never let you go», «Время-река» и многие другие песни, которые впоследствии вошли в новый Димин альбом. Параллельно с этим я начала регистрацию торговой марки «Дима Билан». Я понимала, что мы должны быть максимально юридически защищены – иначе последующих судебных изматывающих нервы и душу процессов нам не избежать.

Итак, Диме мы с Виктором Николаевичем помогали. Что до меня, то лично мне помощи было ждать неоткуда. Я абсо-

лютно ничего не знала о шоу-бизнесе, не была ни с кем знакома – разве что поверхностно с несколькими персонами. Я стала изучать чарты, пытаюсь понять, как строятся рейтинги, как проходят голосования на сайтах музыкальных премий. Вспомнила, что Юрий Шмильевич сетовал, мол, Дима вечно на третьем месте – то Земфире проигрывает, то Кипелову. Тогда я, усмехнувшись, отвечала, что придет день и Дима будет первым. Юрий Шмильевич не верил:

– Это фантастика! – говорил он. Но в тот момент он забыл, что сам же однажды сказал мне: «нет ничего невозможного, что не возможно было бы осуществить при желании». Эти слова я тоже помнила.

Неожиданную поддержку мне оказал Саша Блинов – человек, который в свое время открыл певицу Максим. Он немного рассказал мне о кухне шоу-бизнеса, назвал лиц, к которым я могла бы обратиться. Так я начала поддерживать отношения с Артуром Гаспаряном, Отаром Кушанашвили, с радиостанциями. Магическое действие на многих оказывала фамилия моего мужа. По крайней мере, меня не выставляли за дверь, а хотя бы выслушивали. Мало-помалу, я стала выходить на многих авторитетных лиц шоу-бизнеса и постаралась наладить с ними контакты, используя все свое обаяние. После общения со мной все они понимали – да, финансовые ресурсы имеются, деловая хватка тоже есть. Но потянуть в одиночку такой проект? В это никто не мог поверить.

– Ты действительно решишься? – спрашивали они. – Это

нереально, тебя сожрут!

Как я уже говорила, концертов у Димы в тот момент не было. Однако я заранее договорилась с его танцорами, взяла на работу двух девочек из Диминого фан-клуба. Также к нам из бывшей Диминой команды примкнул Борис Хлуднев – пиар-менеджер, единственный человек из команды Айзеншписа, с которым я ранее не общалась. Остальные же члены Диминой команды пока остались в «Star Pro». Также в «Star Pro» осталась и группа «Динамит», которой мы наметили, что можно работать с нами. Но они оценили ситуацию и решили, что будут держаться подальше от эпицентра конфликта, оставшись с Еленой Ковригиной и выплачивая ей проценты от концертов. К тому же ребята из «Динамита», подобно многим, не верили, что Дима выживет как артист. Впоследствии они не раз говорили, что жалеют о сделанном выборе.

С новой командой Димы я договорилась следующим образом. Даже если нет концертов, я выплачиваю им гаранты. Плюс, соответственно, при наличии концертов гонорары. С самим Димой мы решили, что оформляем наш новый продюсерский центр, в котором Дима становится полноправным партнером из соотношения пятьдесят на пятьдесят, плюс ко всему он независимо от количества концертов получает гарант, который для него на тот момент был астрономической суммой.

Мы сняли офис в «Рэдиссон-Славянская» и приступили к

работе. На этот раз те, кто ранее был в команде Юрия Шмильевича, за исключением Дениса и Димы Бушуева, присоединились к нам – как вы помните, поначалу это был один только Борис Хлуднев.

А «военные действия» против нас продолжались.

Для пущего эффекта Елена Ковригина пригласила лучших юристов страны – в частности, Павла Астахова, который должен был представлять ее интересы. К нам потихоньку потянулись «ходоки», которые доходчиво и терпеливо разъясняли нам все те неприятности, которые с нами приключатся, если мы не вернем в «Star Pro» Диму Билана. Кроме того, Елена Ковригина закрыла Димин сайт, который я позже восстанавливала по крупицам. Морально это давило убийственно. Как будто Диму хотели стереть с лица земли. На момент восстановления посещаемость его сайта составляла порядка 150 человек в сутки вместо 1500, которые были при Юрии Шмильевиче. Постепенно нам удалось повысить посещаемость до 4000–5000 человек в сутки. В дни Евровидения количество посетителей сайта Димы Билана было и вообще рекордным – 50 000 в 2006 году и 150 000 – в 2008-м.

* * *

Под Новый год мы сняли клип на песню «Я тебя помню» – небольшой новогодний ролик, очень теплый и нежный, посвященный памяти Юрия Шмильевича. Падал снег, по лесу

бродили сказочные герои, и Дима пел:

*– В небе загорится новая звезда,
Яркий луч ее взлетит ко мне в ладони
И, возможно, ты почувствуешь тогда:
Я тебя помню, я тебя помню...*

Песню с большими оговорками взяли на «Русском радио», но крутилась она неровно – ее то снимали, то опять ставили, а я жестко отслеживала ее наличие. Сказывались постоянно сыпавшиеся из центра Ковригиной письма в адрес радиостанций. Сам же клип нам удалось поставить только на MTV – спасибо Ларисе Васильевне Синельщиковой, которая периодически нам помогала.

После этого ролика мы с Димой почувствовали, как отношение к нам стало постепенно меняться. Пусть немного, но потеплело. По крайней мере, люди поняли, что Дима – вовсе не монстр, что он переживает и он признателен своему учителю. Тем не менее и композиторы, и другие продюсеры, с кем я сталкивалась в процессе общения, относились ко мне снисходительно или с ироничной усмешкой, как бы говоря: чего же путного могут сделать для Димы «кукольного вида блондинка» и ее муж, единственным достоинством которого были деньги? Среди людей, окружавших нас, находились персоны и более влиятельные, и более состоятельные, которые тоже продвигали своих артистов. И которые Диму Билана в расчет не брали вообще.

Но больше всего огорчало то, что у Димы по-прежнему не было концертов. Я жаловалась Виктору Николаевичу и уже готова была ему предложить снизить концертные расценки, но Виктор Николаевич твердо сказал:

– Дима будет выступать за деньги, соответствующие его статусу. А статус его – «Лучший артист». Пусть один концерт, но за двадцать тысяч долларов, чем два концерта за десять тысяч.

Но ни за десять, ни за двадцать тысяч предложений не поступало. Я понимаю, что это немного наивно, но при таком раскладе стоило уповать только на время, которое все меняет, и на Бога, который лучше всех может рассудить, кто прав, кто виноват. Нам же оставалось – не опускать рук и продолжать работать.

29 декабря мы с Виктором Николаевичем и Димой, совершенно расслабившись, уже договаривались о том, как и где будем отмечать Новый Год. И вдруг, словно новогоднее чудо, раздался звонок от Димы Бушуева:

– Яна, привет! – И он перешел сразу к делу: – Тут есть один довольно серьезный и состоятельный человек, который хочет услышать Диму на своей новогодней вечеринке. Сколько это будет стоить?

Перезваниваю Виктору Николаевичу:

– Витя, сколько?

– Сто пятьдесят тысяч долларов, – отвечает он.

Я дар речи потеряла. Хотя... Однажды мы с Виктором Ни-

колаевичем «купили» Димин концерт за сто тысяч. Ну почему бы теперь и не за сто пятьдесят...

– Сто пятьдесят тысяч долларов, – назвала я сумму Диме Бушуеву.

К моему удивлению буквально через полчаса он перезвонил и подтвердил заказ:

– Клиент согласен. Значит, ждем вас тридцать первого. Куда перевести аванс?

Господи! Получилось, получилось! Воистину под Новый год свершаются удивительные вещи! Я пожелала Диме удачи, и он вместе с музыкантами и танцорами уехал на концерт. А мы, встретив наступивший 2006 год в чудесном настроении, с моей подругой Миленой и Машей отправились на премьеру фильма «Ночной дозор», куда нас заранее пригласили. Виктор Николаевич с нами не пошел. Не будучи любителем выходов в свет, он, недовольно бурча, заспешил домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.